This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

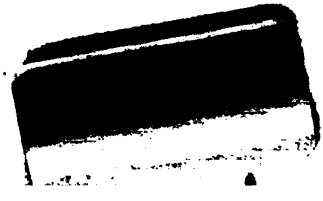
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 83 030

БИБЛІОТЕКА
К. К. ПЕРСОНА.
№ 13.

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF
CALIFORNIA



ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2)
1877

Собственность издательницы Ф. Викторовой.

PG3337
N4P6
1877
MAIN

886
N418
P6S

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ

M635334

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

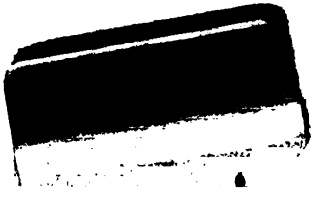
LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

БИБЛІОТЕКА
К. К. ПЕРСОНА.
№ 13.

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF
CALIFORNIA



ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2)
1877

Собственность издательницы Ф. Викторовой.

PG3337
N4P6
1877
MAIN

8B6
N418
pos

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ

M635334

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ВСТУПЛЕНІЕ

Къ пѣснямъ 1876—77 годовъ

Нѣтъ! не поможетъ мнѣ аптека,
Ни мудрость опытныхъ врачей:
Зачѣмъ же мучить человѣка?
О, небо! смерть пошли скорѣй!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюмъ мой вѣрный чорный песъ,
Глаза жены сурово-нѣжны:
Сейчасъ я пытку перенесъ.

Пока недугъ молчитъ, не гложетъ,
Я тѣшусь странною мечтой,
Что потолокъ спуститься можетъ
На грудь могильною плитой.

Легко бы съ жизнью я разстался,
Безъ долгихъ мукъ... Прости, покой!

Какъ ураганъ недугъ примчался:
Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь съ мучительнымъ недугомъ,
Борюсь — до скрежета зубовъ...
О, муза! ты была мнѣ другомъ,
Приди на мой послѣдній зовъ!

Ужь я знавалъ такія грозы;
Ты силу чудную дала,
Въ колючій тернъ вплетая розы,
Ты пытку вынесть помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тѣла побѣди,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь въ моей груди!

Крылатыхъ грезъ толпой воздушной
Воображенье насели
И отъ моей могилы душной
Надгробный камень отвали!

СѢЯТЕЛЯМЪ

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что̀ ли, находишь безплодную,
Худы ль твои сѣмена?
Робокъ ли сердцемъ ты? слабъ ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ жь вы, умѣлые, съ бодрыми лицами,
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

МОЛЕБЕНЪ

Холодно, голодно въ нашемъ селеніи.
Утро печальное — сырость, туманъ,
Колоколъ глухо гудитъ въ отдаленіи,
Въ церковь зоветъ прихожанъ.
Что̀-то суровое, строгое, властное
Слышится въ звонѣ глухомъ,
Въ церкви провелъ я то утро ненастное —
И не забуду о немъ.
Все населеніе, старо и молодо,
Съ плачемъ поклоны кладетъ,
О прекращеніи лютаго голода
Молится жарко народъ.
Рѣдко я въ немъ настроеніе строже,
И сокрушеннѣй видалъ!
«Милуй народъ и друзей его, Боже!»
Самъ я невольно шепталъ:

«Внемли моленіе наше сердечное
О послуживших ъ ему...
. . . . . .
. . . . . .
О претерпѣвших ъ борьбу многолѣтнюю
И устоявших ъ въ борьбѣ,
Слышавших ъ рабскую пѣсню послѣднюю,
Молимся, Боже, тебѣ.»

З — НѢ

Двѣсти ужь дней,
Двѣсти ночей
Мʼуки мои продолжаются;
Ночью и днемъ
Въ сердцѣ твоемъ
Стоны мои отзываются,
Двѣсти ужь дней
Двѣсти ночей!
Темные зимніе дни,
Ясныя зимнія ночи...
З—на! закрой утомленныя очи!
З — на! усни!

4-го декабря 1876, ночь.

ПРОРОКЪ

(Изъ Барбье)

Не говори: «Забылъ онъ осторожность!
Онъ будетъ самъ судьбы своей виной!..»
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ.
«Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ!»

Такъ мыслитъ онъ — и смерть ему любезна.
Не скажетъ онъ, что жизнь его нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна:
Его судьба давно ему ясна...

* * *

Скоро стану добычею тлѣнья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ни чьего не прошу сожалѣнья,
Да и нѣкому будетъ жалѣть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжалъ;
Я на столько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ.

Узы дружбы, союзовъ сердечныхъ —
Все порвалось: мнѣ съ дѣтства судьба
Посылала враговъ долговѣчныхъ,
А друзей уносила борьба.

Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты,
Пали жертвою злобы, измѣнъ
Въ цвѣтѣ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотрятъ со стѣнъ.

* * *

Ночь съ 8-го на 9-е января.

Дни идутъ... все также воздухъ душенъ,
Дряхлый міръ — на роковомъ пути...
Человѣкъ — до ужаса бездушенъ,
Слабому спасенья не найти!

Но... молчи, во гнѣвѣ справедливомъ!
Ни людей, ни вѣка не кляни:
Волю давъ лирическимъ порывамъ,
Изойдешь слезами въ наши дни...

ДРУЗЬЯМЪ

Я примирился съ судьбой неизбѣжною,
Нѣтъ ни охоты, ни силы терпѣть
Невыносимую муку кромѣшную!
Жадно желаю скорѣй умереть.

Вамъ же — не праздно, друзья благородные,
Жить и въ такую могилу сойти,
Чтобы широкіе лапти народные
Къ ней проторили пути...

З — НѢ

Ты еще на жизнь имѣешь право,
Быстро я иду къ закату дней.
Я умру — моя померкнетъ слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгимъ, яркимъ свѣтомъ
Не горѣть на имени моемъ:
Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата человѣка,
Только тотъ себя переживетъ...

МУЗѢ

О, муза! наша пѣсня спѣта.
Приди, закрой глаза поэта
На вѣчный сонъ небытія,
Сестра народа — и моя!

УНЫНІЕ

I

Сгорѣло ты, гнѣздо моихъ отцовъ!
Мой садъ заглохъ, мой домъ безслѣдно сгинулъ,
Но я рѣки любимой не покинулъ.
Вблизи ея песчаныхъ береговъ
Я и теперь на лѣто укрываюсь
И, отдохнувъ, въ столицу возвращаюсь
Съ запасомъ силъ и ворохомъ стиховъ.
Мой чорный конь, съ Кавказа приведенный,
Уменъ и смѣлъ, — какъ вихорь онъ летитъ,
Еще отцомъ къ охотѣ пріученный,
Какъ вкопаный при выстрѣлѣ стоитъ.
Когда «Кадо» *) бѣжитъ опушкой лѣса
И глухаря нечаянно спугнетъ,
На всемъ скаку остановивъ «Черкеса» **),
Спущу курокъ — и птица упадетъ.

*) Собака.
**) Лошадь.

II

Какой восторгъ! За перелетной птицей
Гонюсь съ ружьемъ, а вольный вѣтеръ нивъ
Сметаетъ соръ, навѣянный столицей,
Съ души моей. Я духомъ бодръ и живъ,
Я тѣломъ здравъ. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать надъ мыслью молотка
Я не могу, какъ сильно ни желаю,
Но если онъ приподнятъ хоть слегка,
Но если я о немъ позабываю
На полчаса, — и тѣмъ я дорожу.
Я *самъ себя*, читатель, *нахожу*,
А это все, что̀ нужно для поэта.
Такъ шли дѣла; но нынѣшнее лѣто
Не задалось: не заряжалъ ружья
И не писалъ еще ни строчки я.

III

Мнѣ совѣстно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительнымъ недугомъ.
Чтобъ отъ него отдѣлаться, дѣлюсь
Я имъ съ тобой: ты быть умѣешь другомъ,
Довѣриться тебѣ я не боюсь.

Недугъ не новъ (но сила вся въ размѣрѣ),
Его зовутъ унынъемъ; въ старину
Я храбро съ нимъ выдерживалъ войну,
Иль хоть смягчалъ трудомъ по крайней мѣрѣ,
А нынче съ нимъ не оберусь хлопотъ.
Быть можетъ, есть причина въ атмосферѣ,
А можетъ быть, мнѣ знать себя даетъ,
Друзья мои, пятидесятый годъ.

IV

Да, онъ насталъ — и требуетъ отчета!
Когда зима намъ кудри убѣлитъ,
Приходитъ къ намъ нежданная забота
Свести итогъ... О, юноши! грозитъ
Она и вамъ, судьба не пощадитъ:
Наступитъ часъ разсчитываться строго
За каждый шагъ, за цѣлой жизни трудъ
И мстящаго, зовущаго на судъ
Въ душѣ своей вы ощутите бога.
Богъ старости — неумолимый богъ.
(Отъ юности готовьте вашъ итогъ!)

V — VI — VII

Приходитъ онъ къ прожившему полвѣка

И говоритъ: «Оглянемся назадъ,
Поищемъ дѣлъ достойныхъ человѣка...»
Увы! ихъ нѣтъ! однѣхъ ошибокъ рядъ!
Жестокій богъ! Онъ далъ двойное зрѣнье
Моимъ очамъ; пытливое волненье
Родилъ въ умѣ, истерзанномъ тоской,
И, прослѣдивъ со мной неутомимо
Всю жизнь мою, вопросъ неотразимой
Насмѣшливо поставилъ предо мной:
Зачѣмъ ты жилъ?...

. . . . . .

VIII

Враги мои рѣшатъ его согласно,
Всѣхъ мѣряя на собственный аршинъ,
Въ чужой душѣ они читаютъ ясно,
Но мой судья — читатель-гражданинъ.
Лишь въ судъ его храню слѣпую вѣру.
Суди же ты, кѣмъ взысканъ я не въ мѣру!
Еще мой трудъ тобою не забытъ
И знаешь ты: во мнѣ нѣтъ силъ героя —
Тотъ не герой, кто лавромъ не увитъ
Иль на щитѣ не вынесенъ изъ боя, —
Я рядовой (теперь ужь инвалидъ)...

IX

Суди, рѣшай! А ты, мечта больная,
Воспрянь, и міръ безстрашно облетая,
Мой умъ къ труду, къ покою возврати!
Чтобъ отдохнуть душою не свободной
Иду къ рѣкѣ — кормилицѣ народной...
Съ младенчества на этомъ мнѣ пути
Знакомо все... Знакомой грусти полны
Лѣнивыя, медлительныя волны...
О чемъ ихъ грусть?.. Бывало, каждый день
Я здѣсь бродилъ въ раздумьи молчаливомъ
И слышалъ я въ ихъ ропотѣ тоскливомъ
Тоску и скорбь спопутныхъ деревень...

X — XV

День свечерѣлъ. Томимъ тоскою вялой,
То по лѣсамъ, то по лугу брожу.
Унынiе въ душѣ моей усталой,
Унынiе — куда ни погляжу.
Вотъ дождь пошелъ и громъ готовъ ужь грянуть,
Косцы бѣгутъ проворно подъ шатры,
А я дождемъ спасаюсь отъ хандры,
Но, видно, мнѣ и нынче не воспрянуть!

Упала ночь, зажглись въ лугахъ костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычкѣ повинуясь,
Пишу стихи и — недовольный, жгу.
Мой стихъ унылъ, какъ ропотъ на несчастье,
Какъ плескъ волны въ осеннее ненастье,
На сѣверномъ пустынномъ берегу...

1875.

ТРИ ЭЛЕГІИ

(А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ)

I

Ахъ! что̀ изгнанье, заточенье!
Захочетъ — выручитъ судьба!
Что̀ врагъ! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Какъ гнѣвъ его ни безпредѣленъ,
Онъ промахнется въ добрый часъ...
Но той руки ударъ смертеленъ,
Которая ласкала насъ!...

Одинъ, одинъ!.. А ту, кѣмъ полны
Мои ревнивыя мечты,
Умчали роковыя волны
Пустой и милой суеты.

Въ ней сердце жаждетъ жизни новой,
Не сноситъ горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не дѣлитъ ужь давно...

И тайна все: печаль и мѵку
Она сокрыла глубоко?
Или рѣшилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажетъ мнѣ?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтобъ было прошлаго не жаль!

Что̀ жь, если сбудется желанье?..
О, нѣтъ! живетъ въ душѣ моей
Неотразимое сознанье,
Что безъ меня нѣтъ счастья ей!

Все, чѣмъ мы въ жизни дорожили,
Что было лучшаго у насъ —
Мы на одинъ алтарь сложили —
И этотъ пламень не угасъ!

У береговъ чужаго моря,
Вблизи, вдали онъ ей блеснетъ
Въ минуту сиротства и горя,
И — вѣрю я — она придетъ!

Придетъ... и какъ всегда, стыдлива,
Нетерпѣлива и горда,
Потупитъ очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?...

Безумецъ! для чего тревожишь
Ты сердце бѣдное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

II

Бьется сердце безпокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетѣло, какъ гроза.

Вспоминаю очи ясныя
Дальней странницы моей,

Повторяю стансы страстные,
Что̀ сложилъ когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетимъ съ тобою вновь
Въ ту страну обѣтованную,
Гдѣ вѣнчала насъ любовь!

Розы тамъ цвѣтутъ душистѣе,
Тамъ лазурнѣй небеса,
Соловьи тамъ голосистѣе,
Густолиственнѣй лѣса...

III

Разбиты всѣ привязанности, разумъ
Давно вступилъ въ суровыя права,
Гляжу на жизнь невѣрующимъ глазомъ...
Все кончено! Сѣдѣетъ голова.

Вопросъ рѣшенъ: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалека...
Зачѣмъ же ты, о сердце! не миришься
Съ своей судьбой?.. О чемъ твоя тоска?..

Непрочно все, что̀ нами здѣсь любимо,
Что̀ день — сдаемъ могилѣ мертвеца,
Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

СТРАШНЫЙ ГОДЪ

(1870)

Страшный годъ! Газетное витійство
И рѣзня, проклятая рѣзня!
Впечатлѣнья крови и убійства,
Вы въ конецъ измучили меня!

О, любовь! — гдѣ всѣ твои усилья?
Разумъ! — гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Жадный пиръ злодѣйства и насилья,
Торжество картечи и штыковъ!

Этотъ годъ готовитъ и для внуковъ
Сѣмена раздора и войны.
Въ мірѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ,
Нѣтъ любви, свободы, тишины!

Гдѣ вражда, гдѣ трусость роковая,
Мстящая — купаются въ крови,

Стонъ стоитъ надъ міромъ не смолкая;
Только ты, поэзія святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голосъ твой, увы, безсиленъ нынѣ!
Сгибнетъ онъ, ненужный никому,
Какъ цвѣтокъ, потерянный въ пустынѣ,
Какъ звѣзда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! — сомнѣнья роковыя,
Какъ прійти могли вы на уста?
Вѣрю, есть еще сердца живыя,
Для кого поэзія свята.

Но гремѣлъ, когда они родились,
Тотъ же громъ, ручьями кровь лила;
Эти души кроткія смутились,
И, какъ птицы въ бурю, притаились
Въ ожиданьи свѣта и тепла.

ПОЭТУ

(Памяти Шиллера)

Гдѣ вы — пѣвцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Вѣкъ «крови и меча»!
На тронъ земли ты посадилъ банкира,
Провозгласилъ героемъ палача...

Толпа гласитъ: «пѣвцы не нужны вѣку!»
И нѣтъ пѣвцовъ... Замолкло божество...
О, кто жь теперь напомнитъ человѣку
Высокое призваніе его?..

Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факелъ свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвѣти надъ гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Нашъ падшій духъ взнеси на высоту,

Чтобъ человѣкъ не мёртвыми очами
Могъ сѳзерцать добро и красоту...

Казни корысть, убійство, святотатство!
Сорви вѣнцы съ предательскихъ головъ,
Увлекшихъ міръ съ пути любви и братства,
Стяжаннаго усильями вѣковъ

На путь вражды!.. Въ его дѣла и чувства
Гармонію внести лишь можешь ты.
Въ твоей груди, гонимый жрецъ искуства,
Тронъ истины, любви и красоты.

УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Вѣрю — здѣсь не страдать мудрено.
Съ окружающей насъ нищетою
Здѣсь природа сама за-одно.

Безконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрыя, сонныя галки,
Что̀ сидятъ на вершинѣ стога;

Эта кляча съ крестьяниномъ пьянымъ,
Черезъ силу бѣгущая вскачь
Въ даль, сокрытую синимъ туманомъ,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и городъ богатый:
Тѣ же тучи по небу бѣгутъ;

Жутко нервамъ — желѣзной лопатой
Тамъ теперь мостовую скребутъ.

Начинается всюду работа;
Возвѣстили пожаръ съ каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — тамъ ужь ждутъ палачи.

Проститутка домой на разсвѣтѣ
Поспѣшаетъ, покинувъ постель;
Офицеры въ наёмной каретѣ
Скачутъ за̀ городъ: будетъ дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спѣшатъ за прилавки засѣсть:
Цѣлый день имъ обмѣривать нужно,
Чтобы вечеромъ сытно поѣсть.

Чу! изъ крѣпости грянули пушки!
Наводненье столицѣ грозитъ...
Кто-то умеръ: на красной подушкѣ
Первой степени Анна лежитъ.

Дворникъ вора колотитъ — попался!
Гонятъ стадо гусей на убой;
Гдѣ-то въ верхнемъ этажѣ раздался
Выстрѣлъ — кто-то покончилъ съ собой...

1874.

ПОЭТУ

Любовь и Трудъ — подъ грудами развалинъ!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты молчишь — бездѣйственъ и печаленъ,
И медленно сгораешь со стыда.
И небу шлешь укоръ за даръ счастливый:
Зачѣмъ тебя вѣнчало имъ оно,
Когда душѣ мечтательно-пугливой
Рѣшимости бороться не дано?..

Февраля, 1877.

ГОРЯЩІЯ ПИСЬМА *)

Они горятъ!.. Ихъ не напишешь вновь,
Хоть написать, смѣясь, ты обѣщала...
Ужь не горитъ ли съ ними и любовь,
Которая ихъ сердцу диктовала?

Ихъ ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды ихъ еще не доказала...
Но та рука со злобой ихъ сожгла,
Которая съ любовью ихъ писала!

Свободно ты рѣшала выборъ свой,
И не какъ рабъ упалъ я на колѣни;
Но ты идешь по лѣстницѣ крутой
И дерзко жжешь пройденныя ступени!..

Безумный шагъ!.. быть можетъ, роковой...
. . . . . .

*) Исправленное — прежнее стих.

ПРИГОВОРЪ

«... Вы въ своей землѣ благословенной
Паріи — не знаетъ васъ народъ,
Свѣтскій кругъ бездушный и надменный
Васъ презрѣньемъ хладнымъ обдаетъ.

И звучитъ безцѣльно ваша лира,
Вы пѣвцами темной стороны —
На любовь, на уваженье міра
Не стяжавшей права — рождены!..»

Камень въ сердце русское бросая,
Такъ о насъ весь Западъ говоритъ.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпоръ!.. Но родина молчитъ...

1877. Ночь съ 7-го на 8-е янв.

З — Н Ѣ

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый другъ! Легенду я слыхалъ:
Пàли съ плечъ подвижника вериги
И подвижникъ мертвый палъ!

Помогай же мнѣ трудиться, З — на!
Трудъ всегда меня животворилъ.
Вотъ еще красивая картина —
Запиши, пока я не забылъ!

Да не плачь украдкой! — Вѣрь надеждѣ,
Смѣйся, пой, какъ пѣла ты весной,
Повторяй друзьямъ моимъ, какъ прежде,
Каждый стихъ, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другомъ:
Въ торжествѣ одержанныхъ побѣдъ
Надъ своимъ мучителемъ недугомъ
Позабылъ о смерти твой поэтъ!

13-го февраля 1877.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

СОВРЕМЕННИКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЮБИЛЯРЫ И ТРІУМФАТОРЫ

От. 3. 1875 (№ 8)

Я книгу взялъ, возставъ отъ сна,
И прочиталъ я въ ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй».

Швырнулъ далеко книгу я.
Ужели мы съ тобой
Такого вѣка сыновья,
О, другъ-читатель мой?..

Конечно, нѣтъ! Конечно, нѣтъ!
Клевещетъ нашъ зоилъ.
Лакей принесъ пучекъ газетъ;
Я жадно ихъ раскрылъ,

Минуя кражу и пожаръ
И рядъ самоубійцъ,

Встрѣчаю слово: «юбиляръ»,
Читаю списокъ лицъ,

Стяжавшихъ лавры. Счета нѣтъ!
Стипендія... медаль...
Аренда... памятникъ... обѣдъ...
Обѣдъ... обѣдъ... О, враль!

Протри глаза!.. Иду къ друзьямъ:
Готовитъ спичь одинъ,
Другой десятокъ телеграммъ —
Въ Москву, въ Рязань, въ Тульчинъ.

Пошелъ я съ нимъ «на телеграфъ».
Лакеи, кучера,
Депеши къ верху приподнявъ,
Толпились тамъ съ утра.

Мелькаютъ крупныя слова:
«Герою иного лѣтъ...»
«Ликуй, Орелъ!..» «Гордись, Москва!»
«Бердичеву привѣтъ...»

Не мало тутъ «друзей добра»,
«Отцовъ» не перечесть,
А вотъ листокъ: одно — «ура!..».
Пора, однако, честь.

Я пришелъ въ трактиръ и тоже
Счетъ теряю торжествамъ.
Книга дерзкая! за что же
Ты укоръ послала намъ?..

У *** готовятъ славно
Юбилейные столы;
Тамъ обѣдаютъ издавна
Тріумфаторы-орлы.
Посмотрите — что за рыба!
Еле внесъ ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Изъ отворенныхъ дверей.
Заказавъ бульонъ и дичи,
Корридоромъ я брожу;
Дверь растворятъ — слышу спичи,
На пирующихъ гляжу:
Люди заняты въ трактирахъ,
Не мѣшаютъ... я и радъ...

Зала № 1

Въ первой залѣ, всѣ въ мундирахъ,
Въ бѣлыхъ галстухахъ, стоятъ.
Юбиляръ-администраторъ,
Древенъ, весь шитьемъ залитъ,
Двѣ звѣзды... Ему ораторъ,
Тоже старецъ, говоритъ:
Ты отецъ! До населенья,
Добръ и милостивъ ты былъ,
Не довелъ до разоренья,
Пищи, крова не лишилъ!
Ты герой — до кассы частной,
До казеннаго добра
Не простеръ руки всевластной —
Благодарность и... ура!..

Вдругъ курьеръ вошелъ, сіяя,
Засіялъ и юбиляръ.
Юбиляру, поздравляя,
Поднесли достойный даръ.

№ 2

Рѣчь долго, долго длилась,

Расплакался старикъ...
Я сдѣлалъ шагъ... открылась
Другая дверь — на мигъ,
И тутъ героя чтили,
Кричали много лѣтъ!
Герою подносили
Магницкаго портретъ:
Устрой еще заставы
И надписи прибей...

Исчезла сцена славы —
Захлопнулъ дверь лакей...

№ 3

На столѣ лежатъ «подарки»,
Въ Петербургѣ лучшихъ нѣтъ.
Двѣ брильянтовыя арки —
Восхитительный браслетъ!
Бриллiантовыя звѣзды...
Чудо!.. Нѣсколько ребятъ
Съ упоеніемъ невѣсты
На сокровища глядятъ.
(Были тутъ и лицеисты,
И пажи, и юнкера,

И незрѣлые юристы,
И купцы... et cœtera...)

— Чудо! дядька ихъ почтенный
Восклицаетъ, князь Иванъ,
И, лѣтами удрученный,
Упадаетъ на диванъ...

Князь Иванъ — колоссъ по брюху,
Руки — родъ пуховика,
Пьедесталомъ служитъ уху
Ожирѣвшая щека.
По устройству верхней губы,
Онъ — бульдогъ; съ оскаломъ зубы,
Подъ гребенку волоса
И добрѣйшіе глаза.
Онъ — извѣстный объѣдало,
Говоритъ умно,
Словно въ бочку изъ-подъ сала
Льетъ въ себя вино.
Дома рѣдко пребываетъ,
До шестидесяти лѣтъ
Водевили посѣщаетъ,
Оперетку и балетъ.

У него друзья — кадеты,
Именитый дѣдъ его
Былъ шутомъ Елизаветы,
Самъ онъ — ровно ничего.
Презираетъ аксельбанты,
Не охотникъ до чиновъ.
Унаслѣдовавъ таланты
Историческихъ шутовъ,
Съ языкомъ своимъ проворнымъ,
Съ дерзкимъ смѣхомъ, въ вѣкъ иной
Былъ бы онъ шутомъ придворнымъ,
А теперь онъ — шутъ простой.

«Да! дары такіе рѣдки!»
Восклицаетъ князь Иванъ:
«Надо спрыснуть... спрыснуть, дѣтки!..
Наливай полнѣй стаканъ!..
Нѣтъ, постой! Въ началѣ пира
Совершимъ одинъ обрядъ:
Передъ нами нѣтъ кумира,
Но... *и камни говорятъ*!
Эта брошка пріютится
У богини на груди,

Значитъ, должно преклониться
Передъ нею... Подходи!..»

И почтительно къ алмазамъ
Приложился князь Иванъ;
И потомъ уже выпилъ разомъ
Свой вмѣстительный стаканъ.
И, во слѣдъ за командиромъ,
Приложились юнцы
Къ бриллiантамъ и сафирамъ...

— «На колѣни, молодцы!
Гимнъ!...»

Глядитъ умильнымъ взоромъ
Старый шутъ на небеса,
И поютъ согласнымъ хоромъ
Молодые голоса:

Мадонны ликъ,
Взоръ херувима...
Мадамъ Жюдикъ
Непостижима!

Жизнь наша — пуфъ,
Пустѣй орѣха,
Заѣхать въ Буффъ —
Одна утѣха.

Восторга крикъ,
Порывъ блаженства...
Мадамъ Жюдикъ
Верхъ совершенства!

№ 4

«... Первоприсутствуя въ сенатѣ,
Радѣлъ ли ты о мѣньшемъ братѣ?
Всегда ли ты служилъ добру?
Всегда ли къ истинѣ стремился?..»

— «Позвольте-съ!»

Я посторонился
И далъ дорогу осетру...

№ 5

Большая зала... шума нѣтъ...
Ученое собранье,

Агрономическій обѣдъ,
Вѣрнѣе — засѣданье.
Встаетъ извѣстный агрономъ,
Членъ общества — Колѣновъ
(Докладчикъ пасмуренъ лицомъ,
Печальны лица членовъ).
Онъ говоритъ: «Я посвятилъ
Досугъ мой скотоводству,
Я восемь лѣтъ въ Тиролѣ жилъ.
Повѣривъ превосходству
Швейцарскихъ, англійскихъ породъ,
Въ отечествѣ любезномъ
Старался я улучшить скотъ
И думалъ быть полезнымъ.
Увы! напрасная мечта!
Убилъ я даромъ годы:
Соломы мало для скота
Улучшенной породы!
Въ крови у русской клячи есть
Привычка золотая:
«Работать много, мало ѣсть» —
Основа вѣковая!
Печальный видъ: голодный конь
На почвѣ истощенной,

Съ голоднымъ пахаремъ... А тронь
Рукой непосвященной —
Еще печальнѣй что-нибудь
Получится въ итогѣ...
Покинулъ я опасный путь,
Увы! на полдорогѣ...
Трудитесь дальше безъ меня...»

— «Прискорбны рѣчи ваши!
Придется съ нынѣшняго дня
Закрыть собранья наши!»
Сказалъ ученый президентъ
(Толстякъ, заплывшій жиромъ):
— «Раздѣлимъ скромный дивиденд
И разойдемся съ миромъ!
Оставимъ бѣдный нашъ народъ
Судьбамъ его — и Богу!
Безъ насъ скорѣе онъ найдетъ
Къ развитію дорогу»...

«Закрыть! закрыть, хотя и жаль!»
Рѣшило все собранье:
«И дать Колѣнову медаль:
«*За ревность и старанье*»..

«Ура!.. Подписку!»... Увлеклись —
Не скупо подписали, —
И благодушно занялись
Моделью для медали...

№ 6

Шагъ впередъ — и снова зала,
Все заводчики-тузы;
Слышенъ голосъ: «Ты сначала
Много выдержалъ грозы.
Весь души прекрасной пламень
Ты принесъ на подвигъ свой,
Но пошелъ ко дну, какъ камень,
Броненосецъ первый твой!
Смертоносныя гранаты
Изобрѣлъ ты на враговъ...
Были бъ чудо — результаты,
Кабы дѣльныхъ мастеровъ!
То-то ихъ принять бы въ прутья!..
Ты гранатою своей
Перераниль изъ орудья
Только собственныхъ людей...
Ты поклялся, какъ заразы,
Новыхъ опытовъ бѣжать,

Но казенные заказы
Увлекли тебя опять,
Ты вступилъ...»
Лакей суровый
Дверь захлопнулъ, какъ на зло.

№ 7

Я впередъ... Изъ залы новой
Мертвечиной понесло...
Пиръ тутъ, видно, не секретный —
Настежь дверь... народу тьма...
Господинъ Ветхозавѣтный
Говоритъ:
«Судьба сама
Насъ свела сегодня вмѣстѣ;
Шелъ я радостно сюда,
Какъ женихъ грядетъ къ невѣстѣ —
Новость, новость, господа!
Отзывался часто Пушкинъ
Изъ могилы... Наконецъ,
Отозвался и Тяпушкинъ,
Скромный труженикъ-пѣвецъ:
Драгоцѣнную находку
Отыскалъ товарищъ нашъ!

Въ бѣдной лавочкѣ селедку
Завернулъ въ нее торгашъ.
Грязный синенькій листочекъ,
А какіе перлы въ немъ!..»

— Прочитай-ка хоть кусочекъ!
Закричали...

«Мы начнемъ
Съ дѣтства. Видно, что въ разъѣзды
Посылалъ его отецъ:
Гдѣ иной считалъ бы звѣзды,
Онъ...» — Читай же! — Началъ чтецъ:

Отрывокъ изъ путевыхъ замѣтокъ юноши Тяпушкина, веденныхъ имъ во время разъѣздовъ его по Россіи по дѣламъ отца.

(Найденъ случайно между оберточной бумагой въ лавкѣ купца С. С. Подтекина; подлин никъ—собственность Зосима Терентьевича Ветхозавѣтнаго).

На рѣкѣ на Свири
Рыба, какъ въ Сибири,
Окуни, лини
Средней долины.
На рѣкѣ же Ленѣ

Хуже, чѣмъ на Оби:
Ноги по колѣни
Отморозилъ обѣ,
А прибывъ въ Ирбитъ,
Дядей былъ прибитъ...

— Превосходно! поэтично!..
Каждый въ лупу смотритъ листъ.
«И притомъ характерично»,
Замѣчаетъ журналистъ:
«То-то мы ударимъ въ трубы!
То-то праздникъ будетъ намъ!»
И прикладываетъ губы
Къ полуграматнымъ строкамъ.
Приложилъ — и къ дѣлу рьяный
Примѣчаніе строчитъ:
«Отморозилъ ноги — *пьяный*
И — *за пьянство* былъ побитъ;
Чужды нравственности узкой,
Не рѣшаемся мы скрыть
Этотъ знакъ натуры русской...
Да! «веселье Руси — пить»!..

Прим. ред.

Ужь знакомлюсь я съ поэтомъ
Біографію пишу...

— Не снабдите ли портретомъ?

«Дорогонько... погляжу...
Случай рѣдкій! Мы Россіи
Явимъ вновь труды свои:
Возстановимъ запятыя,
Двоеточіе надъ і;
Можно будетъ въ духѣ «Миши»
Предисловье написать:
Пощадили даже мыши
Драгоцѣнную тетрадь —
Провидѣнія печать!..
Позавидуетъ Бартеневъ
И Семевскій затрещитъ,
Но замѣтку самъ Тургеневъ
Въ «Петербургскихъ» помѣститъ...»

— Вѣрно! царь ты русской прессы,
Хоть и служишь мертвецамъ:
Всѣ живые интересы
Уступаютъ поле намъ...

«Такъ... и такъ да будетъ вѣчно!..
Дарованья въ наши дни
Гибнутъ рано... Жаль, конечно,
Да безтактны и они...
Жаль!.. Но боги справедливы
Въ начертаніяхъ своихъ!
Намъ безъ смерти — нѣтъ поживы,
Какъ аптекѣ безъ больныхъ!
Дарованіемъ богатый
Служитъ обществу перомъ,
Служимъ мы ему лопатой...
Други! пьемъ! За мертвыхъ пьемъ!..»

Вмѣсто влаги искрометной,
Пили за-просто марсалъ,
А Зосимъ Ветхозавѣтный
Умиленно лепеталъ:
«Я люблю живыхъ писателей,
Но — мнѣ мертвые милѣй!..»

Это — пиръ гробовскрывателей!..
Дальше, дальше поскорѣй!..

№ 8

«Получайже по проценту!
Говоритъ сѣдой банкиръ
Полицейскому агенту:
«Въ честь твою сегодня пиръ!»
Радъ банкиръ, какъ съумасшедшій;
Всѣ довольны; сыщикъ пьянъ;
Отъ дѣтей сюда зашедшій,
По знакомству, князь Иванъ
Держитъ спичъ:

— «Свои законы
Есть у вѣка, господа!
Какъ пропали милліоны,
Я подумалъ: не бѣда!
Вѣрьте, нѣтъ глупѣй несчастья:
Потерять послѣдній грошъ —
Ни пропажи, ни участья,
Хоть повѣсься, не найдешь!
А украдутъ у банкира
Изъ десятка милліонъ —
Растревожится полміра...
«Милліонъ!..» Со всѣхъ сторонъ

Сожалѣнья раздадутся,
Всѣ правительства снесутся,
Телеграммами въ набатъ
Пріударятъ! Всѣ газеты
Похитителя примѣты
Многократно возвѣстятъ,
Обозначатъ каждый прыщикъ...
И глядишь: нашелся воръ!
На два дня банкиръ и сыщикъ —
Самый модный разговоръ!
Имъ улыбки, имъ поклоны,
Поздравленья добрыхъ душъ...
Ужь терять — такъ милліоны,
Царь вселенной — кушъ!..»

№ 9

Чу! пѣнье! Я туда скорѣй,
То пѣла свѣтская плеяда
Благотворителей посредствомъ лотерей,
Концерта, бала, маскарада...

Да-съ! Марья Львовна
За бѣдныхъ въ воду,

Мы Марьѣ Львовнѣ
Сложили оду.

Гдѣ Марья Львовна?
На вдовьемъ балѣ!
Гдѣ Марья Львовна?
Въ читальной залѣ...

Кто на эстрадѣ
Поетъ романсы?
Чьи въ маскарадѣ
Вѣрнѣе шансы?

У Марьи Львовны
Такъ милы рѣчи,
У Марьи Львовны
Такъ круглы плечи!..

Гласитъ афиша:
«Народный праздникъ».
Купилъ корову
Одинъ проказникъ:

«— Да-съ, Марья Львовна,
Не ваши рѣчи,
Да-съ, Марья Львовна,
Не ваши плечи,

Съ народомъ нужны
Иные шансы...»
Въ саду корова
Поетъ романсы,

Въ саду толпится
Народъ наивный,
Рискуютъ прачки
Послѣдней гривной,

За грошъ корову
Кому не надо?
И побѣлѣли
Дорожки сада,

Какъ будто въ маѣ
Послалъ Богъ снѣгу...
Пустыхъ билетовъ
Свезли телегу

Изъ сада ночью.
Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысячъ
Собрали ровно!

Пятнадцать — съ нищихъ!
Что̀ значитъ — масса!
Да процвѣтаетъ
Пріюта касса!

Да процвѣтаетъ
И Марья Львовна,
Пусть ей живется
Легко и ровно!..

Да-съ, Марья Львовна
За бѣдныхъ въ воду...
Ея призванье —
Служить народу!

№ 10

Слышенъ голосъ — и знакомый —
«Ананасъ — не огурецъ!»
Возложили гастрономы

На товарища вѣнецъ.
Это — кругъ интимный, близкій.
Тише! слышенъ жаркій споръ:
Надъ какою-то сосиской
Произносятъ приговоръ.
Поросенку ставятъ баллы,
Разсуждая о винѣ,
Тычутъ градусникъ въ бокалы...
«Какъ! четыре — ветчинѣ?..»
И поссорились... Стыдитесь!
Вредно ссориться, друзья!
Благодушно веселитесь!
Скоро къ вамъ приду и я.
Буду новую сосиску
Каждый день изобрѣтать,
Буду мнѣніе безъ риску
О салатѣ подавать.
Буду кушать плотно, жирно,
Облѣнюся, какъ верблюдъ,
И засну на вѣки мирно
Между двухъ изящныхъ блюдъ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ

ТРАГИ-КОМЕДІЯ

«Кушать подано!» — Мнѣ дали
Очень маленькій салонъ.
За стѣной «ура!» кричали,
По тарелкамъ шелъ трезвонъ.
Что жь они — съ моимъ чуланомъ
Рядомъ — пьющіе теперь?
Я чуть-чуть открылъ диваномъ
Загороженную дверь,
Поглядѣлъ изъ-за портьеры:
Зала публикой кишитъ —
Все тузы-акціонеры!
На ловца и звѣрь бѣжитъ...

Производитель работъ
Акціонерной компаніи,
Сдавшій недавно отчетъ
Въ общемъ годичномъ собраніи,

Въ группѣ директоровъ Шкуринъ сидитъ
(Синяя чуйка и крупныя губы).
Старецъ, прошедшій сквозь мѣдныя трубы —
Савва Антихристовъ — спичъ говоритъ.
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генералъ, и банкиръ, и кулакъ).

— «Да, господа! самородокъ-русакъ
Стоитъ нѣмецкихъ философовъ пары!
Былъ онъ мужикъ, не имѣлъ ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.
Дальше скажу вамъ словами его
(Тутъ и отвага, и умъ, и смекалка):

«Я — уроженецъ степей;
Давъ пастухамъ по алтыну,
Я изъ хребта у свиней
Въ младости дергалъ щетину.

«Мечется стадо, реветъ.
Знамо: живая скотина!
Мальчикъ не труситъ — деретъ,
Перваго сорту щетина!

«Сталъ я теперь богачемъ;
Домъ у меня, какъ картинка,
Думаю, глядя на домъ:
Это — свиная щетинка!..»

«Великорусская, мѣткая рѣчь!..
Съ дѣтства умѣлъ онъ добыть и сберечь.
Сняли мы линію; много заботы:
Надо сдавать земляныя работы.
Ѣду я разъ по дѣламъ въ Перекопъ,
Вижу, съ артелью идетъ землекопъ.
— Кто ты? «Я — Ѳедоръ Никифоровъ Шкуринъ».
(*Обращается къ Шкурину*).
Чокнемся! выпьемъ, христовъ мужичокъ!
Ну, господа генералы! чокъ-чокъ!..
Выборъ-то мой оказался недуренъ...
(*Чокаются и пьютъ*).
«Прибылъ подрядчикъ на мѣсто работъ,
Вмѣсто науки, съ однимъ «глазомѣромъ»,
Ѣздитъ по селамъ съ своимъ инженеромъ,
Рядитъ рабочихъ — никто не идетъ!
Зѣмли кругомъ тутъ дворянскія были —
Только дворяне о нихъ позабыли.
Всѣмъ тутъ орудовалъ грубый «кустарь»,

Пренебреженной окраины царь.
Жители рыбу въ озерахъ ловили,
Гнали безданно изъ пѣньевъ смолу,
Брали морошку, опенки солили
И говорили: «нейдемъ въ кабалу!»
Нѣтъ послушанья, порядка и прочаго,
Прежде всего: создавай тутъ «рабочаго».
Какъ же создашь его? Шкуринъ не спитъ:
Зѣмли, озера, болота, графитъ —
Все откупилъ у помѣщика,
«Все — до послѣдняго лещика!»
(Какъ энергически самъ говоритъ).
Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Какъ изъ подъ ногъ ея почва ушла...
Мысль эта, смѣю сказать, лучезарная,
Наши доходы спасла.
Плодъ этой мѣры въ графѣ дивиденда
Акціонеры найдутъ:
На сорокъ три съ половиной процента
Разомъ понизился трудъ!..

«Ходко пошла земляная работа.
Шкуринъ, трудясь до кроваваго пота,
Не раздѣвался въ ночи,

Жилъ безъ семейства въ степи безотрадной,
Обувь, одежду, перцовку, харчи
Самъ поставлялъ для артели громадной.
Онъ, раздѣляя съ рабочимъ труды,
Не пренебрегъ гигіеной народной:
Вмѣсто болотной, стоячей воды,
Далъ онъ рабочему квасъ превосходный!
Этимъ и наша достигнута цѣль:
Въ жаркіе дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно безъ мяса!
Быстро въ артели упалъ аппетитъ
На двадцать два съ половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
Краснорѣчивѣе словъ говоритъ!..»

«Ура!» прокричали, героя сравнили
Съ находчивымъ «янки». А я, между тѣмъ,
Покамѣстъ здоровье подрядчика пили,
Успѣлъ присмотрѣться ко всѣмъ:
Во-первыхъ, тутъ были почотныя лица
Въ чинахъ, съ орденами. Ихъ видитъ столица
Въ сенатѣ, въ палатахъ, въ судахъ.
Служа безупречно и пользуясь вѣсомъ,

Они посвящаютъ досугъ интересамъ
Коммерческихъ фирмъ на паяхъ.
Тутъ были плебеи, изъ праха и пыли
Достигшіе денегъ, крестовъ,
И рядомъ вельможи тутъ русскіе были,
Погрязшіе въ тинѣ долговъ
(То имя, что̀ дѣды въ безумной отвагѣ
Прославили — гордость страны —
Они за паи подмахнутъ на бумагѣ,
Нестоющей трети цѣны)...
Сидѣли тутъ важно, въ сознаніи силы
«Зацѣпа» и «Савва» — столпы-воротилы
(Зацѣпа былъ мраченъ, а Савва сіялъ).
Тутъ были банкиры, дѣльцы биржевые,
И земская сила — дворяне степные —
Тутъ было съ десятокъ мѣнялъ.
Сидѣли тутъ рядомъ тузы-иноземцы:
Остзейскіе, русскіе, прусскіе нѣмцы,
Евреи и греки и много другихъ —
Въ Варшавѣ, въ Одессѣ, въ Крыму, въ Петербургѣ
Банкирскія фирмы у нихъ —
На *аки*, на *раки*, на *берги* и *бурги*
Кончаются прозвища ихъ.
Зацѣпа — красивый старикъ бѣлокудрый,

Нажившій богатство политикой мудрой —
Былъ сборища главнымъ вождемъ.
Профессоръ, юристъ, адвокатъ знаменитый
И два инженера — съ ученымъ значкомъ —
Его окружали почетною свитой.
Григорій Аркадьичъ Зацѣпинъ стяжалъ
Въ коммерческомъ мірѣ великую славу
И львиную долю себѣ выдѣлялъ
Изъ каждаго крупнаго дѣла по праву.
Сей старецъ находчивъ, уменъ, даровитъ,
Въ немъ чудная тайна успѣха таится,
Не даромъ онъ въ каждомъ правленьи сидитъ...
Придетъ вамъ охота въ аферы пуститься,
Старайтесь его къ предпріятью привлечь —
Пойдетъ какъ по маслу!..

Герой-тріумфаторъ
Раскланялся... Выступилъ новый ораторъ,
Мѣняло — но я прозѣвалъ эту рѣчь...
Мм. гг.
«Времена наступаютъ тревожныя,
Кризисъ близится: мало даютъ
Предпріятья желѣзно-дорожныя,
Банки тоже не бойко идутъ:

«Половину закрыть не мѣшало бы!»
Слышенъ въ публикѣ хоръ голосовъ,
Какъ недавно мы слышали жалобы
На избытокъ питейныхъ домовъ.
Время выдти на поприще новое,
Честь имѣю проектъ предложить,
Все обдумано — дѣло готовое,
Стоитъ только уставъ сочинить.

(*Пауза. Выпивъ глотокъ воды, ораторъ продолжаетъ съ одушевленіемъ*).

Мысль — «Центральнаго Дома Терпимости»
Такова наша мысль! Скажутъ намъ:
Прежде Невскій цѣлковыми вымости,
И на то я согласіе дамъ!
Вамъ порукою наше серьезное
Отношенье къ дѣламъ вообще,
Что развитіе ей грандіозное
Мы надѣемся дать не вотще:
Лишь бы намъ разрѣшили концессію...
Учредимъ капиталъ на паяхъ
И, убивъ мелочную профессію,
Двинемъ дѣло на всѣхъ парусахъ!
Нѣтъ сомнѣнья, что цѣль учрежденія
Наше общество скоро пойметъ:

Понесутъ намъ свои сбереженія
Всѣ, кутящіе нынѣ въ разбродъ!
Предпріятія съ точки вещественной
Невозможно вѣрнѣе желать,
Равнымъ образомъ, съ точки общественной
Трудно пользу его отрицать.
Безъ надзора строжайшаго, честнаго
Не оставимъ мы дѣло никакъ,
Мы наймемъ адвоката извѣстнаго
Для разбора скандаловъ и дракъ.
Будетъ много у насъ подражателей,
Но не будетъ такого нигдѣ
Наблюденья: возьмемъ наблюдателей
Въ нашей скромной мѣняльной средѣ...»

— Въ тихомъ омутѣ водятся черти!
Кто-то рядомъ со мной прошепталъ;
Нѣкто Грошъ испугался до смерти
Остроумной затѣи мѣнялъ
И подвинулся дальше со стуломъ.
На проектъ отвѣчала толпа
Нерѣшительнымъ, сдержаннымъ гуломъ,
Ждали мнѣнья Зацѣпы-столпа.

«Да (сказалъ онъ), доходное дѣло,
Но совѣтую вамъ подождать.
Ново... странно... до дерзости смѣло...
Преждевременно, смѣю сказать!
Кто не знаетъ? Пророки событій,
Пролагатели новыхъ путей,
Провозвѣстники важныхъ открытій —
Побиваются грудой камней.
Двинувъ раньше впередъ спекуляцію,
Чѣмъ прогрессъ узаконитъ ее,
Потеряете вы репутацію
И погубите дѣло свое.
Подождите! Прогрессъ подвигается,
И движенью не видно конца:
Что̀ сегодня постыднымъ считается,
Удостоится завтра вѣнца...»

«Браво!» Залпъ громоподобный...
На арену вышелъ Гропъ
И проекту спичъ надгробный
Довершилъ: «Проектъ хорошъ,
«Исполнители опасны!»
Онъ язвительно сказалъ.
Пренья были долги, страстны,

Впрочемъ я ихъ не слыхалъ,
Я заснулъ...
Мнѣ снились планы
О походахъ на карманы
Благодушныхъ россіянъ,
И, ощупавъ мой карманъ,
Я проснулся...
Шумно... Въ уши
Словно бьютъ колокола,
Гомерическіе куши,
Милліонныя дѣла,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дѣлежъ,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..
Я сидѣлъ тупой и мрачный,
Долго мнѣ понять мѣшалъ
Этотъ крикъ и дымъ табачный:
Гдѣ я? Какъ сюда попалъ?..

Черезъ дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лицъ усталыхъ рядъ,
Вижу жжонку недопитую,
Землянику, виноградъ.

Къ англичанину съ объятьями
Лѣзетъ русскій человѣкъ.
— Выпьемъ: Борухъ! Будемъ братьями!
Говоритъ еврею грекъ.
Кто-то низко клонитъ голову,
Кто-то на полъ льетъ вино,
Кто-то Утина Ермолову
Уподобилъ... Все пьяно!..

Я понялъ: кончили дѣла
И на распашку закутили.
Одни сидѣли у стола,
Другіе парами ходили.
Сюда пришелъ и князь Иванъ *)
И, на диванѣ отдыхая,
Не умолкалъ, какъ барабанъ,
Чужія рѣчи заглушая.
Старикъ съ друзьями продолжалъ
Пить вдохновляющую жжонку
И мимо шедшимъ посылалъ
Свои любезности въ догонку.

*) См. часть 1-ю: «Юбиляры и тріумфаторы», зала № 4-й.

Теперь цинизмъ у нихъ царилъ,
И разговоръ былъ часто страшенъ:
— Съ какой иконы ты скусилъ
Тотъ перлъ, которымъ ты украшенъ?
«Да съ той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпалъ яду...»
Такъ остроумно веселясь,
Одни смѣялись до упаду,
Другіе хмурились... Журча,
Лился потокъ сужденій, споровъ...
Вотъ вамъ отрывки разговоровъ,
Ищите сами къ нимъ ключа...

1-й голосъ.

Отложили на недѣлю,
Милліончикъ пропадетъ.
Вотъ Господь послалъ Емелю!
Доложилъ наоборотъ:
Позабылъ о братьяхъ Примахъ,
Знай наладилъ: Цахъ да Цахъ!
Образецъ непроходимыхъ
Государственныхъ неряхъ!

. . . . . .

2-й голосъ (князя Ивана).

Чу! какъ орутъ: «Казань!..» «Ветлуга!..»
Адепты сѣвера и юга.
Немного фактовъ, бездна словъ...
Одно тутъ каждый понимаетъ,
Что на пути до рудниковъ
Постлать соломки не мѣшаетъ!

3-й голосъ.

У насъ былъ директоръ дороги,
Кондукторамъ красть не давалъ:
Въ вагоны, какъ тать, проникалъ,
У сонныхъ сосчитывалъ ноги,
Чтобъ видѣть: придется иль нѣтъ
На каждую пару билетъ?
Но дальше билетовъ и ногъ
Считать ничего онъ не могъ!..

Голосъ князя Ивана *(кому-то на встрѣчу)*.

Сотню рублей серебра
Въ день получаю...
Сорокъ четыре ребра
Въ сутки ломаю...

А! господинъ костоломъ!
Радуюсь встрѣчѣ случайной.
Правда ли? мы создаемъ
Новый проектъ чрезвычайный:
Предупредительныхъ мѣръ
Мы отрицаемъ полезность...
(Такъ! господинъ инженеръ!
Благодаримъ за любезность).
Вѣчно мы будемъ ломать
Ѣдущимъ руки и ноги:
Надо врачей насажать
На протяженьи дороги,
Съ праваго боку возвесть
Раненымъ нужно жилища,
А для убитыхъ отвесть
Съ лѣваго боку кладбища.
Такъ-съ! Выражаясь точнѣй,
Вы узаконить хотите
Право увѣчить людей...
Мало еще вы кутите!
Что же? Дай Богъ вамъ успѣть!
Можете руки вы знатно,
Строя больницы, нагрѣть,

И пассажирамъ пріятно:
Вмѣсто того, чтобъ зѣвать,
Въ нашихъ пустыняхъ унылыхъ —
Впредь до крушенья — считать
Будутъ кресты на могилахъ!

Двое (4-й и 5-й) *(проходя мимо двери, не громко).*

— Вамъ дадутъ пай строители,
Я готовъ держать пари
На тысченку! Не хотите ли?
— «Въ чемъ же дѣло, говори!»
— Это — нуть изъ самыхъ прибыльныхъ,
Но, вѣдь, это — тоже дверь
Для обмѣна мыслей гибельныхъ...
Понимаете теперь?
— «Вѣрно! малый ты практическій!
Какъ пари не заплатить?
Съ точки зрѣнья стратегической
Можно Волгу запрудить!»

Голосъ князя Ивана *(кому-то въ догонку).*

Пестрый галстукъ съ чернымъ фракомъ,
Рядъ нечищенныхъ зубовъ

И подернутая лакомъ
Рожа — признакъ дураковъ.
Въ перстнѣ камень измрудный.
Неотесанный болванъ:
Содержатель кассы ссудной,
Главной кассы — важный санъ!
Этотъ типъ безмѣрно гнусенъ.
Современный Митрофанъ
Глупъ во всемъ, въ одномъ искусенъ:
Залѣзать въ чужой карманъ!
И на немъ духъ вѣка видѣнъ,
Онъ по трусости — скупецъ,
По невѣжеству — безстыденъ
И по глупости — подлецъ!

6-й голосъ.

За что̀ швырнулъ въ меня онъ карточкой своей
И завтра обѣщалъ прислать мнѣ секунданта?
Вѣдь, я не отрицалъ у Душкиной таланта,
Я только говорилъ, что Радина милѣй!
Военный человѣкъ, не спорю я, прекрасенъ,
Но дальше отъ него держаться должно намъ.
Во времена войны — опасенъ онъ врагамъ,
А въ мирное — онъ всѣмъ опасенъ.

Голосъ князя Ивана *(кому-то на встрѣчу)*.

Тысячъ восемьдесятъ въ банкахъ
Получаетъ этотъ франтъ,
Онъ живетъ безсмѣнно въ санкахъ —
Въ этомъ весь его талантъ.
Есть другой счастливецъ въ мірѣ,
Полу-нѣмецъ, полу-грекъ,
Получаетъ *сто четыре*...
Заурядный человѣкъ!
Дай мнѣ легонькія санки
И рысистаго коня,
Я и самъ всѣ наши банки
Облечу въ теченьи дня!

7-й голосъ.

Человѣка накачали
И забыли... Какъ тутъ быть?
Если нѣтъ цыганъ, нельзя ли
Хоть арфистокъ пригласить?
Безъ прекраснаго-то пола
Скучновато во хмѣлю.
Пить такъ пить — *до протокола*,
Середины не люблю!

Голосъ князя Ивана.

На французскомъ маслѣ,
Сдѣланномъ изъ сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборецъ!
Желѣзнодорожникъ,
И гостинодворецъ,
И во всемъ — художникъ!

8-й голосъ.

Въ нашемъ банкѣ засѣдаютъ
Пять ростовщиковъ,
Фортель ихъ таковъ:
Межъ собой распредѣляютъ
Весь наличный капиталъ
Изъ осьми... а выручаютъ
Сорокъ... Подлo! я отсталъ.

Голосъ князя Ивана *(кому-то въ догонку).*

Слылъ умникомъ и въ усъ себѣ не дулъ,
Поклонники въ немъ видѣли мессію;
Попалъ на министерскій стулъ
И — наглупилъ на всю Россію!

9-й голосъ.

...Говорю: помиритесь добромъ!
Не совѣтую знаться съ судомъ!..

На Литейной такое есть зданіе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
А невиненъ — отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой.
Я тамъ былъ. Не послѣднее бѣдствіе,
Доложу вамъ, судебное слѣдствіе —
Юный приставъ меня истерзалъ;
Прокуроръ, посѣдѣвшій во бдѣніи,
Такъ копался въ моемъ поведеніи,
Что съ натуги въ истерику впалъ;
Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цѣпь непрерывная
Вопіющихъ какихъ-то картинъ,
И, содравъ гонораръ неумѣренный,
Восклицалъ мой присяжный повѣренный:
«Передъ вами стоитъ гражданинъ
Чище снѣга алпійскихъ вершинъ!..»

Невеселое вышло рѣшеніе:
Безъ лишенія правъ заключеніе.

Двѣ недѣли пришлось проскучать,
Да сполгода ругала печать!

10-й голосъ.

Печать? У ней строитель — воръ!
Желѣзныя дороги — душегубки!
Суды?.. По платью приговоръ!
А имъ любезны только полушубки.
Теперь не въ модѣ уважать
По капиталу, чину, званью...
Какъ!? подъ арестомъ содержать
Игуменью — честную Митрофанью?..

11-й голосъ.

Не щадятъ ни заслуги, ни званія!
Адвокатамъ однимъ только рай:
За лишеніе правъ состоянія
И за то теперь деньги подай!

Голосъ князя Ивана *(кому-то въ догонку).*

Не люблю австрійца!
Думается мнѣ:
Вотъ — сыноубійца!
Чу! призывъ къ войнѣ!

Брошены парады,
Дѣти въ бой идутъ,
А отцы подряды
На войска берутъ...
Юные герои
Гибнутъ въ каждомъ боѣ,
Не поймутъ никакъ:
Отчего въ атакѣ,
Въ самой жаркой дракѣ,
Невредимъ прусакъ?
Дѣти! васъ надули
Ваши старики:
Глиняныя пули
Ставили въ полки!

Неразлучной бродятъ парой
Суетливый коммерсантъ
И еврей, процентщикъ ярый,
Въ драгоцѣнныхъ камняхъ франтъ.
Вотъ подходятъ къ самой двери,
Продолжая разсуждать:
— Мнѣ «товарища на вѣрѣ»
Было легче отыскать.
Выручай! надеждой прочной

Остаешься ты одинъ.
Выручай! ты — безупречный,
Полноправный гражданинъ!
Ты — писатель! Ты брошюрой
«О процентахъ» заявилъ
Связь свою съ литературой,
Ты Тиблену кумомъ былъ.
Ты — художникъ по натурѣ...
— «Не желательно прослыть
Подставнымъ въ литературѣ...»
— Вотъ нашелъ о чемъ тужить!
Полно! Мы съ тобой — не дѣтки.
Нынѣче — царство подставныхъ,
Настоящіе-то рѣдки,
Да и спроса нѣтъ на нихъ.
Погляди: морякъ на сушѣ,
Инженеръ на кораблѣ,
А дѣла идутъ не хуже
И не лучше на землѣ.
Не у насъ — во всей Европѣ
Прессой править капиталъ,
Былъ же Генкель, есть же Гоппе...
Ты бы ярче ихъ сіялъ!
Прессѣ нужны коммерсанты.

Поспѣшивъ на помощь ей,
Какъ направимъ мы таланты,
Какъ устроимся! —

Еврей

Отвѣчаетъ, убѣжденью
Начиная уступать:
— «Если нужно просвѣщенью
Руку помощи подать,
Я готовъ, но — Богъ свидѣтель —
Я отъ грамоты отвыкъ...»
— Тутъ нужна лишь добродѣтель!
Восклицаетъ биржевикъ...

— Дай еще имъ пять бутылокъ!
Испустилъ внезапный крикъ
Нѣкто — стриженый затылокъ,
Голова «à la мужикъ».
Ростъ высокій, станъ не гибкой,
А лицо... страннѣй всего,
Какъ не высѣкли ошибкой
По лицу его!
Выпивъ первую бутылку,
Лизоблюдовъ пьяный хоръ

Тароватому затылку
Лестью выпалилъ въ упоръ:

— Сколько вы божьихъ храмовъ построили!
— Сколько вы выдали замужъ невѣстъ!
— Сколько вдовъ и сиротъ успокоили!
— Сколько роздали пенсій и мѣстъ!
— «А какія вы строите линіи!
Подвигъ вашъ — достоянье вѣковъ!»
Поправляя очки свои синіе,
Заключилъ запѣвало льстецовъ:
— «На Уралѣ; на Ленѣ, на Терекѣ
Предстоятъ еще подвиги вамъ.
Были люди въ Европѣ, въ Америкѣ,
А такихъ не встрѣчалось и тамъ!»

— Будто? Вотъ какъ! Скажите! Неужели?
Восклицалъ осовѣвшій герой;
— Мы, однако, такъ плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...

И вскочили «орлы» его вѣрные,
И героя домой повели...

Про таланты его непомѣрные
Очень громкіе слухи прошли.
Какъ шаманъ, онъ обвѣшанъ жетонами
(А на шеѣ владимірскій крестъ).
Съ телеграммами, спичами, звонами
Колокольными — ѣздитъ и ѣстъ,
Упивается тонкими винами,
Сыплетъ золото щедрой рукой,
Въ предпріятіяхъ долями львиными
Надѣляется... Чѣмъ не герой?..
Есть, однако, и мнѣнье противное:
Говорятъ: у него никакихъ
Дарованій, богатство фиктивное;
Говорятъ: онъ — игрушка другихъ,
Нуженъ онъ для одной декораціи;
Три-четыре искусныхъ дѣльца
Въ омутъ самой шальной спекуляціи,
Словно мячикъ, бросаютъ глупца.
Какъ вопьются раки жирные
Въ тѣло бѣлое его,
Эти люди, съ виду смирные,
Обрываютъ ихъ съ него,
И потомъ дружка сердечнаго
Въ новый омутъ повлекутъ...

Ничего нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго —
Скоро будетъ онъ банкрутъ!

Голосъ князя Ивана *(на встрѣчу вновь вошедшему).*

А! Авраамъ изъискатель!
Мимо прошелъ: не узналъ,
Чѣмъ возгордился, пріятель?
Я пастухомъ тебя зналъ...

Лота отца попрекаетъ,
Берка отъ Лоты бѣжитъ,
Мѣсяца три пропадаетъ
И, возвратясь, говоритъ:

«Радуйся! дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, мой сынъ!
Дѣти! купилъ я болота
Семьдесятъ семь десятинъ!»

Лота одѣлася въ шубку,
Янкель за шапкой бѣжитъ,
Ѣдутъ смотрѣть на покупку —
Лошадь съ натуги хрипитъ,

Мѣстность все ниже и ниже,
Множество кочекъ и ямъ.
«Вотъ оно! Лота! смотри же!»
Лота не вѣритъ глазамъ:

Нѣту ничѣмъ ничего-то,
Кромѣ трясины и мховъ!
Только слетѣли съ болота
Семьдесятъ семь куликовъ!

Ѣдучи шагомъ обратно,
Янкель трунилъ надъ отцомъ,
Лота работала знатно
Длиннымъ своимъ языкомъ.

Берка на жалобы эти
Молвилъ, подъѣхавъ къ крыльцу:
«Не угодилъ я вамъ, дѣти,
Да угодилъ продавцу!»

Утромъ онъ съ ними простился,
Мѣсяца три пропадалъ.
Ночью домой воротился,
«Радуйтесь!» снова сказалъ.

Янкель и Лота не рады,
Думаютъ: глупость опять!
«Взялъ я большіе подряды!»
Берка пустился плясать.

«Четверть съ рубля обойдется,
Четверть съ рубля... безъ гроша...
Семьдесятъ семь остается,
Семьдесятъ семь барыша!»

Денегъ у Берки безъ счета,
Берка — давно дворянинъ,
Благословляя болота
Семьдесятъ семь десятинъ!..

Чу! пѣсня! Полные виномъ,
Два инженера ликовали
И пѣли пѣсенку о томъ,
Какъ «непреклоннаго» сломали:

Я проектъ мой излагалъ
Ясно, непреложно —
Сухо молвилъ генералъ:
«*Это невозможно!*»

Я протекцію съискалъ,
Все обставилъ чудно,
Грустно молвилъ генералъ:
«*Это очень трудно!*»

Въ третій разъ понять я далъ:
Будетъ — гривна со ста,
И воскликнулъ генералъ:
«*Это — очень просто!*»

Голосъ князя Ивана

На умѣ чины да куши,
Пассажировъ бьетъ гуртомъ:
Христіанскія-то души
Жидовинѣ ни по чемъ.
До предѣловъ незаконныхъ
Глупъ, а денежки гребетъ...
Все равно, что рѣзать сонныхъ —
Обирать народъ!

Слышны толки: «лѣность... пьянство...
Земство... волость... мужики»...
Это — мѣстное дворянство
И дворяне-степняки.

У степнаго дворянина
Рѣчь любимая своя:
«Чебоксарская щетина»,
«Миргородская свинья»,
«Свекловица, мериносы»,
«Спросъ на водку и барду»,
А у мѣстнаго вопросы
«Все сословные» въ ходу,
Графъ Д — довъ, князь Л — новъ
Въ центрѣ этого кружка
Излагаютъ пользу плановъ,
Неудавшихся пока.

«Вся бѣда Россіи
Въ недостаткѣ власти!»
Говорятъ витіи
По сословной части.

Мало толку въ словопреньи,
Грянулъ нѣкто Хватуновъ,
Лучше пѣть объ орошеньи
(Былъ ужь онъ давно «готовъ»).

Пѣсня объ «Орошеніи»

Комитету «Поощренья
Земледѣльческихъ Трудовъ»
Сдѣлать опытъ орошенья
Нашихъ пашень и луговъ

Предложилъ я: снарядили
Двѣ коммисіи въ нашъ край
И потомъ благословили,
Дали денегъ: «Орошай!»

Я поѣхалъ за-границу,
Пожуировалъ; затѣмъ,
Началъ сѣять свекловицу.
Время мчалось, между тѣмъ,

Домъ мой сталъ богаче, краше,
Самъ толстѣю, что ни годъ.
Вдругъ запросъ: «Успѣшно ль ваше
Орошеніе идетъ?»

— «При ближайшемъ наблюденьи»,
Отвѣчаю въ комитетъ:

«Нахожу, что въ орошеньи
Въ нашемъ краѣ — нужды нѣтъ,

— «Трудъ притомъ безмѣрно дорогъ...»
Согласились: Нѣтъ нужды!
А задатокъ — тысячъ сорокъ —
За посильные труды

Комитетъ — не безъ участья
Добрыхъ душъ — съ меня сложилъ,
И тогда — слезами счастья
Грудь жены я *оросилъ!..*

Въ каждой группѣ плутократовъ —
Русскихъ, нѣмцевъ ли, жидовъ —
Замѣчаю ренегатовъ
Изъ семьи профессоровъ.
Ихъ исторія извѣстна:
Скромнымъ труженикомъ жилъ
И, служа наукѣ честно,
Плутократію громилъ,
Былъ профессоромъ, ученымъ
Лѣтъ до тридцати,

И, казалось, милліономъ
Не собьешь его съ пути...
Вдругъ — конецъ исторіи —
Въ тридцать лѣтъ герой —
Прыгъ съ обсерваторіи
Въ омутъ биржевой!..

Вотъ москвичъ — родоначальникъ
Этой фракціи дѣльцовъ:
Объ отечествѣ печальникъ,
Лучшій типъ профессоровъ,
Встарь онъ пѣлъ иныя пѣсни,
Искандеръ былъ другъ его,
Кромѣ каменной болѣзни,
Не имѣлъ онъ ничего;
Подъ опалой въ оны годы
Находился демократъ,
Другъ народа и свободы,
А теперь онъ — плутократъ!
Спекуляторскія штуки
Ловко двигаетъ впередъ
При содѣйствіи науки
Этотъ старый патріотъ...

Вотъ другой — слыветъ за чудо:
Говорунъ и острословъ,
(«Леонидъ» — ему покуда
Кличка у тузовъ).
Онъ *машинным краснорѣчьем*
Плутократію дивитъ;
Никакимъ противорѣчьемъ
Не смущаясь, говоритъ
Въ интересахъ господина.
Заплати да тэму дай,
Говорильная машина
Загудитъ: подниметъ лай,
Будетъ плакать и смѣяться,
Цифры, факты извращать,
На Бутовскаго ссылаться,
Марксомъ тону задавать.
Предпочтя ученой славѣ
Соблазнительный металлъ,
Леонидъ сперва при Саввѣ
На посылкахъ состоялъ,
Подавалъ ему «идейки»
(И сигары — иногда),
Зналъ къ редакторамъ лазейки,
Къ представителямъ суда,

Составлялъ «записки», «мнѣнья»,
Сплетни прессы отражалъ,
И въ директоры правленья,
Наконецъ, попалъ!
Тутъ ужь торная дорога:
Нахватавъ десятокъ мѣстъ,
Какъ за пазухой у Бога,
Онъ живетъ; по барски ѣстъ,
На балы къ концесьонерамъ
Возитъ куколку-жену
И поетъ акціонерамъ
Вѣчно пѣсенку одну;
Смыслъ извѣстный: «дивидендовъ
Нѣтъ покамѣстъ — ожидай!
И не медля шесть процентовъ
Намъ въ награду отчисляй!»
Кризисъ: дѣло не спорится,
Денегъ нѣтъ, должны кругомъ,
Въ дверь правленія стучится
Съ исполнительнымъ листомъ
Приставъ: кассу запираетъ,
Мёбель штемпелемъ клеймитъ.
Леонидъ не унываетъ
И цинически остритъ:

«Матъ, конечно, предпріятью,
А правленью — не бѣда!
Стулъ съ казенною печатью
Такъ же мягокъ, господа!..»

Нынче счету нѣтъ артистамъ,
Что̀ такимъ путемъ пошли,
И на помощь аферистамъ
Силу знанья принесли.
Всякій планъ въ основѣ шаткой,
Какъ на сваяхъ утвердятъ:
Исторической подкладкой,
Перспективами снабдятъ!
Дѣло ихъ — стоять на стражѣ
«Государственныхъ идей».
Нѣтъ еще идеи даже,
Есть одинъ намёкъ о ней,
Ужь бѣгутъ они къ патронамъ,
Выговариваютъ пай.
Начинаютъ скромнымъ тономъ:
«Нужный банкъ»... «Забытый край»...
Дальше — громче пропаганда,
Загорается война,
Кто за Шмита, кто за Странда!

Правду вывернувъ до дна,
Чудо сдѣлаютъ изъ края,
Этнографіей блеснутъ,
И статистика такая...
Гдѣ они ее берутъ?

Аргументъ экономическій,
Аргументъ патріотическій,
И важнѣйшій, наконецъ,
Съ точки зрѣнья стратегической
Аргументъ — всему вѣнецъ!..

Изъ пяти одна затѣя
Удалась — набитъ карманъ!
А гуманная идея
Отошла на дальній планъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Надо честь отдать почину —
Разбудили Русь они:
И купцу, и дворянину

Плохо спится въ наши дни;
Прежде Русь стихи писала,
Риѳмамъ не было числа,
А теперь практичнѣй стала:
На проекты налегла!
Предпріимчивостью чудной
Преисполнились сердца,
Нѣтъ теперь задачи трудной,
Каждый планъ найдетъ дѣльца.
Запрудятъ Неву, каналы
По Сахарѣ проведутъ!..
Дайте только капиталы,
Обезпечьте рискъ и трудъ...

Да, постигла и Россія
Тайну жизни, наконецъ:
Тайна жизни — гарантія,
А субсидія — вѣнецъ!
Будешь въ славѣ равенъ Фидію,
Антокольскій! изваяй
ГАРАНТІЮ и СУБСИДІЮ,
Идеаламъ форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой

Пусть идутъ на поклоненье
И ученый, и герой;
Пусть идутъ израильтяне
И другіе пришлецы,
И россійскіе дворяне,
И моршанскіе скопцы...

Бесѣда кипитъ, не смолкая,
И льется рѣкою вино,
Великихъ и малыхъ равняя;
Всѣ группы смѣшались давно.
Зацѣпинъ въ ударѣ, какъ воду,
Венгерское пьетъ; Леонидъ,
Великому мужу въ угоду,
Вистуетъ ему и лиситъ.
Изъ оперы новыя лица
Явились; затѣялся споръ:
Которая выше пѣвица,
Который пошлѣе актёръ.
Веселый толстякъ, краснорожій,
Хохочетъ Иванушка шутъ,
И мужъ государственный тоже,
Подвыпивъ, бесѣдуетъ тутъ:

«Да-съ, наша тропа не безъ терній!
Энергія — свойство мое,
Но на сорокъ восемь губерній
Всегда ли достанетъ ее?..»

Но былъ одинъ — онъ общества чуждался;
Построивши дорогу въ восемь верстъ,
На собственномъ величьи помѣшался
Остзейскій тузъ — баронъ фонъ-Клоппенгорстъ.
Онъ вынуждалъ къ невольному решпекту —
Торжественность въ осанкѣ и въ лицѣ;
Пусти нагимъ по Невскому проспекту —
Покажется онъ — въ тогѣ и вѣнцѣ.
Онъ не сгибалъ своей баронской выи
Ни передъ кѣмъ; на лбу его крутомъ
Начертано: «Трудился для Россіи
И памятникъ воздвигъ себѣ притомъ!»
Онъ былъ смѣшонъ картинно, грандіозно
И шумный пиръ эффектно оттѣнялъ.
Онъ пилъ одинъ, насупивъ брови грозно,
По слову въ часъ медлительно ронялъ.
Молчитъ ли онъ — особая манера
Молчать... глядитъ — побѣдоносный взоръ!

Идетъ ли онъ — незыблемая вѣра,
Что долгъ другихъ давать ему просторъ.
Среди судовъ обычнаго размѣра
Такъ шествовалъ въ Россію «Мониторъ»...

Остроумная случайность!
На сосѣда не похожъ,
Представлялъ другую крайность
Эдуардъ Иванычъ Грошъ —
Господинъ на ножкахъ низкихъ,
Веселъ, юрокъ и румянъ,
Изъ породы самыхъ близкихъ
Къ человѣку обезьянъ.
Къ разнымъ группамъ подбѣгаетъ,
Щуритъ глазки, руки жметъ
И головкою киваетъ,
И хихикаетъ, и вретъ.
Голосокъ его пискливый
Раздается тамъ и тутъ,
Толстый, маленькій, плѣшивый,
Сибаритъ, дѣлецъ и шутъ —
Онъ, какъ ртуть, на всякомъ мѣстѣ,
Слышитъ — кто-то говоритъ:
— Нужно завтра акцій двѣсти...

«На наличность? на кредитъ?..»
По рукамъ въ минуту хлопнулъ
И бѣжитъ туда бѣгомъ,
Гдѣ услышалъ слово: лопнулъ.
«Кто? Какой торговый домъ?..»
— Лопнулъ — шаръ!.. Зимою въ санкахъ
Вѣчно встрѣтите его;
Онъ на биржѣ, въ думѣ, въ банкахъ,
Нѣтъ собранья безъ него:
Это высшаго разряда
Факторъ — сила нашихъ дней.
Телеграфовъ съ нимъ не надо,
Ни газетныхъ новостей.
Свѣтскій міръ и міръ подпольный
Дань равно ему несутъ,
Какъ револьверъ шестиствольный,
Онъ заряженъ! Съ виду шутъ,
Онъ не-спроста бьетъ баклуши,
Онъ трудится больше насъ:
Настороженныя уши,
Волчій зубъ и лисій глазъ!
Что̀ вамъ нужно? Закладную?
Моську, мужа... дачу, домъ,
Капиталъ?.. Рекомендую:

Не ударитъ въ грязь лицомъ!
Честолюбье-ль васъ тревожитъ?
Онъ карьерѣ дастъ толчокъ,
Даже выхлопотать можетъ
Португальскій орденокъ!
По рукѣ пригнать перчатку —
Дѣло Гроша! Всюду вхожъ,
Онъ туда протиснетъ взятку,
Что руками разведешь!..
Гроша вывели изъ мрака
Случай, ловкость и родня,
Не выходитъ онъ изъ фрака,
Пробудясь, кричитъ: коня!
Въ девять рыщетъ по трущобамъ,
Ищетъ нужнаго дѣльца,
Въ десять — шествуетъ за гробомъ
Сановитаго лица;
До двѣнадцати — въ передних
У вліятельныхъ господъ,
Въ часъ — въ пріютѣ малолѣтнихъ,
Гдѣ молебенъ и отчетъ.
Въ два—за завтракомъ съ кокоткой
(Онъ — кокотокъ первый другъ),
Съ трехъ — на биржѣ... День короткой —

Пообѣдать недосугъ!
Вечеръ: два, три комитета,
Оперетка и балетъ
И у дамы полусвѣта
За рулеткой — дня разсвѣтъ!

Тише!.. новый гость явился;
Всѣ вскочили, самъ баронъ
Клоппенгорстъ предъ нимъ склонился,
Подалъ руку... Кто же онъ?

Кто онъ? Дѣйствуя практически,
Я обязанъ умолчать,
Но могу аллегорически
Пѣтухомъ его назвать.
Нѣтъ вѣрнѣе аттестаціи:
Золото клюетъ —
Возвращаетъ... ассигнаціи!
Плавно онъ идетъ
Съ видомъ скромнаго достоинства:
Словно предъ вождемъ
Дрессированное воинство,
Смолкло все кругомъ...

Поздоровался съ Саввой Степанычемъ,
Крѣпко палецъ Зацѣпѣ сдавилъ,
Пошутилъ съ Эдуардомъ Иванычемъ:
«У! какъ блѣденъ! Опять пошалилъ?»

— «Испугался проекта Дерницына:
Объ общественной пользѣ поетъ,
А въ душѣ — идеалы Плотицына!
Зазѣвайся — . . . . . .»

А затѣмъ, неизвѣстность полнѣйшая!
Къ сожалѣнью, бесѣда дальнѣйшая
Шла вполголоса... «Время на балъ!»
Уходя, незнакомецъ сказалъ.

Къ счастью, онъ вернулся снова,
На минуту сѣлъ,
И тогда четыре слова
Я поймать успѣлъ.
«Нужно выждать двѣ недѣли»,
Саввѣ онъ сказалъ:
«Нужно выждать: не созрѣли...»
И, допивъ бокалъ,
Вышелъ...

Эксъ-писатель блѣднолицый
Появился Пьеръ Кульковъ;
Былъ онъ долго заграницей
По комимсіямъ дѣльцовъ
И друзьямъ поклонъ собрата
Изъ Италіи привезъ.
Вожделѣній плутократа,
Такъ сказать, апоѳеозъ
Совмѣщалъ въ себѣ фонъ-Руге:
Ухвативъ громадный кушъ,
Онъ ушелъ — на свѣтломъ югѣ
Отдыхать. «Великій мужъ!»
Говорятъ ему витіи:
«Не пугайся клеветы!
Предпріимчивость Россіи
На такія высоты
Ты вознесъ, что милліарда
Увезеннаго не жаль!..»
Не безъ чувства и азарта,
Устремляя очи въ даль,
Разсказалъ туристъ свиданье
Съ удалившимся дѣльцомъ;
Было общее молчанье,
Пѣлъ разскащикъ соловьемъ:

Я посѣтилъ отшельника Севильи,
На виллу Миртъ хотѣлось мнѣ взглянуть;
Предъ ней поэтъ преклонится — въ безсильи
Вообразить прекраснѣй что-нибудь!

Изъ мрамора каррарскаго колонны,
На потолкахъ сибирскій малахитъ,
И въ воздухѣ висящіе балконы,
И съ одного — въ Европѣ лучшій видъ!

Тамъ онъ любилъ сидѣть послѣ обѣда
И нѣсколько тревожился лишь тѣмъ,
Что тотъ же видъ доступенъ для сосѣда;
Его девизъ: я не дѣлюсь ни съ кѣмъ!

Онъ этимъ былъ глубоко опечаленъ
И, наконецъ, сосѣда побѣдилъ:
Настроилъ онъ искуственныхъ развалинъ
И чудный видъ сосѣду заградилъ!..

Весь подъ шатромъ навѣсовъ виноградныхъ
Шелъ путь къ нему извилистой тропой;
Не пожалѣвъ расходовъ безпощадныхъ,
Онъ срылъ сады — и сдѣлалъ путь прямой!

Такъ онъ живетъ, такъ тратитъ онъ доходы,
Всѣмъ жертвуя комфорту своему...
Кругомъ цвѣты... искуственныя воды...
Его оркестръ обходится ему

Въ огромный кушъ. Устроивъ родъ престола,
Уходитъ онъ въ свой музыкальный залъ,
И, такъ сказать, оркестру внемлетъ *solo*,
Вотъ жизнь его... вотъ жизни идеалъ!..

«По такому идеалу
Можетъ только жить — кретинъ!»
Вдругъ сказалъ вошедшій въ залу
Незадолго господинъ.
(Съумасшедшій или геній?
Возникалъ въ умѣ вопросъ,
Послѣ краткихъ наблюденій
Надъ вошедшимъ): «Онъ унесъ
Изъ Россіи милліоны
И, построивъ пышный гробъ,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственныхъ особъ
Онъ разсчитывалъ, сгорая
Честолюбіемъ... Увы!

Ѣдутъ мимо, не склоняя
Передъ Руге головы!
У него въ груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте: почему?
Передъ боемъ франко-прусскимъ
Переписывался онъ
Съ императоромъ франпузскимъ,
За серебряный мильонъ
Титулъ герцога — я слышалъ —
Ужь совсѣмъ приторговалъ...
Вдругъ скандалъ седанскій вышелъ —
Продавецъ банкротомъ сталъ!
И теперь о томъ героѣ
(Не забавный ли пассажъ?)
Въ цѣломъ мірѣ плачутъ трое —
Сынъ, жена... да Руге нашъ!
Пожалѣй честная публика!
Гдѣ купить высокій санъ?
Ужь во Франціи — республика!
Титловъ нѣтъ у англичанъ
На продажу... а Германія?..
Онъ и такъ — нѣмецкій фонъ...

Таковы его страданія...
Гдѣ же счастье?.. Дурень онъ!

Дайте мнѣ его мильоны,
Я бы имъ протеръ глаза!
Не висячіе балконы—
Я бы создалъ чудеса!
Петръ Великій въ Сестербекѣ
Портъ громадный замышлялъ;
Здѣсь въ великомъ человѣкѣ
Геній видимо дремалъ,
Но и въ маломъ человѣчкѣ
Онъ не дремлетъ иногда:
Нуженъ портъ... *на Чорной рѣчкѣ*!
Вотъ идея, господа!
Всѣ другіе планы къ чорту!
Составляйте капиталъ:
Смѣло строй дорогу къ порту
И веди къ нему каналъ!
Подойдутъ вагонъ и барка
И корабль... Сдавай, грузи!
Какъ маякъ, горящій ярко,
Будетъ портъ мой на Руси!
Я ужь рельсы далъ дорогамъ,

Я войскамъ оружье далъ...
Въ новый путь иду я съ Богомъ...
Составляйте капиталъ!
Съ деньгами, съ геніемъ
Чуднымъ движеніемъ
Русь оживимъ.
Море Балтійское,
Море Каспійское
Соединимъ!
Вотъ занятіе! вотъ дѣло!
Можно душу положить!
Ненавижу нѣжить тѣло,
Нервы праздностью томить.
Ужь давно я былъ бы Крезомъ,
Могъ бы лавры пожинать,
Но безпошлиннымъ желѣзомъ
Не хочу я торговать.
Металлическихъ заводовъ
Съ пивоваренным котломъ
Я не строю для доходовъ...
Наживаться воровствомъ
Сродно подлому холопу!
Цѣль моя: къ окну въ Европу,

Что прорублено Петромъ,
Вѣковой пристроить домъ!
(*Уходитъ быстро и съ эффектомъ, еще въ комнатѣ надѣвъ шляпу*).

Голосъ князя Ивана

Появился метеоромъ,
Метеоромъ — и пропалъ!
Никогда онъ не былъ воромъ,
А людей съ сумой пускалъ.
У него своя контора:
«Переписки векселей»,
Нужно штатъ удвоить скоро.
Въ день до тысячи рублей
Платитъ онъ однихъ процентовъ.
То-то жизнь! топи каминъ
Грудой старыхъ документовъ,
Да на новыхъ ставь: *Ладынъ*.
А въ стяжаніи не грѣшенъ,
Самъ послѣднее отдастъ...

Чье-то замѣчаніе:

Но зато, вѣдь, онъ помѣшанъ?

Голосъ князя Ивана

Нѣтъ, большой энтузіастъ!
Занимая всюду деньги
И *простроитъ* ихъ спѣша,
Ищетъ онъ по *шапкѣ Сеньки*...
Идеальная душа!..

Въ лѣтній день, у пристани канала
Собралась толпа, чего-то ждетъ...
Духовенство шествуетъ сначала,
А за нимъ коммиссія идетъ:
Шитые мундиры, эполеты!
Чу! вдали запѣли бурлаки!
Но они не тощи, какъ скелеты,
На подборъ красавцы-мужики,
«Въ шелковыхъ рубахахъ!» шепчутъ бабы.
— «Глянь: и Савва!» гаркнула толпа.
Съ деревянной ложкою у шляпы
И съ желѣзнымъ гребнемъ у пупа,
Самъ купецъ-подрядчикъ бичевою
Тянетъ барку... Къ пристани пришли...
Отслуживъ молебенъ чередою,
Пировать въ палатку побрели.

Въ торжествѣ открытія канала
Самъ министръ участье принималъ,
Но не струсилъ Саввушка ни мало —
Рѣчь его сіятельству сказалъ!
Былъ тогда вельможа этотъ въ силѣ,
Затѣвалъ громадныя дѣла...
Эта рѣчь «въ народномъ, русскомъ стилѣ»
Милліоны Саввѣ принесла.
Нынче онъ... да словомъ: нѣтъ другого!
Савву надо въ лѣтописи внесть:
Савву Богъ сподобилъ *даромъ слова*
На Руси богатство пріобрѣсть!

Но, начавъ карьеру бичевою,
Любитъ онъ простого «мужичка»,
Вспоминая прошлое порою,
Напѣваетъ пѣсню бурлака,
Ту, что̀ пѣлъ когда-то на каналѣ...
Выпивъ тостъ за «братьевъ мужиковъ»,
Онъ запѣлъ... что̀ было русскихъ въ залѣ
Подошли — и стройный хоръ готовъ:

ВЪ ГОРУ!

(Бурлацкая пѣсня).

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ,
Сколько ужь лѣтъ
Камѣ поемъ
Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъёмъ!
Ухнемъ! напремъ!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!
Хлѣбушка дай!
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денёкъ!
Эка жара!
Камушка! сколько мы слезъ въ тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не доволили?
Денежекъ дай!
Бросили домъ,

Малыхъ ребятъ...
Ухнемъ, напремъ!..
Кости трешшатъ!
На печь бы лечь
Зиму проспать,
Лѣтомъ утечь
Съ бабой гулять!
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денёкъ!
Эка жара!
Ухни ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!
Нѣтъ тѣ конца!..
Эдакъ бы впрячь
Въ лямку купца —
Легъ бы богачъ!..
Экой песокъ!
Эка гора!
Экой денёкъ!
Эка жара!
Эй! вѣтерокъ!
Дуй посильнѣй!

Намъ хоть часокъ
Дай повольнѣй!..

Два-три подрядчика съ дѣдушкой Саввой
Въ пѣніе душу кладутъ;
Спой такъ пѣвецъ — наградили бы славой!
За сердце звуки берутъ.
Что жь это, Господи! Всѣхъ задушевнѣй
Шкурина голосъ звучитъ!
Вѣетъ лѣсами, рѣкою, деревней,
Русской истомой томитъ!
Все въ этой пѣсни: тупое терпѣніе,
Долгое рабство, укоръ...
Чуть и меня не привелъ въ умиленіе
Этотъ разбойничій хоръ!..

ЭПИЛОГЪ

«Я — воръ!» вдругъ громко прозвучалъ
Какой-то голосъ изступленный.
По залѣ шопотъ пробѣжалъ
И смолкъ. Глубоко-удивленный,
Плотнѣе къ двери я приникъ:
Изнеможенный и печальный,
Передъ столомъ сидѣлъ старикъ...
Ужель Зацѣпа геніальный?
Да, вѣрно! Блѣденъ, какъ мертвецъ,
Въ очахъ глубокое страданье...
Чу! новый вопль! И, наконецъ —
Неудержимое рыданье?

Князь Иванъ

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядемъ лучше въ домино.
Постороннему — обидно,
А друзьямъ твоимъ — смѣшно!

Ты подобенъ той гетерѣ,
Что̀ на склонѣ блудныхъ дней
Горько плачетъ о потерѣ
Добродѣтели своей!
Не воротится невинность,
Ка̀къ глубоко ни грусти,
Лишь нарушишь пира чинность
И заставишь насъ уйти!

Ушелъ Эфруси, важный грекъ,
Кивнувъ собранью величаво...
«Куда же вы?» воскликнулъ Савва:
«Зацѣпинъ — умный человѣкъ,
Но человѣкъ немного странный:
Впадаетъ онъ, напившись пьянъ,
Какъ древлѣ Грозный Іоаннъ,
Въ какой-то пафосъ покаянный...
Но — ничего! Гроза пройдетъ,
И завтра жь — побожиться смѣю —
Великій умъ изобрѣтетъ
Золотоносную идею!
Какъ подъ дождемъ цвѣты ростутъ
Сильнѣй — прибавилъ онъ къ евреямъ —

Такъ эти бури придаютъ
На-утро блескъ его идеямъ!..»

Зацѣпинъ

Я — воръ! Я — рыцарь шайки той
Изъ всѣхъ племенъ, нарѣчій, націй,
Что̀ исповѣдуетъ разбой
Подъ видомъ честныхъ спекуляцій!
Гдѣ сплошь да рядомъ — видитъ Богъ! —
Лежатъ въ основѣ состоянья
Два-три фальшивыхъ завѣщанья,
Убійство, кража и поджогъ!
Гдѣ позабудь покой и сонъ,
Добычу зорко карауля,
Гдѣ въ результатѣ — милліонъ
Или коническая пуля!

Какъ огорошенные градомъ,
Ушли остзейскіе тузы,
Жиды вскочили... стали рядомъ...
«Куда? Сейчасъ — конецъ грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздухъ душенъ сталъ...

Зацѣпа рвалъ рубашку съ шеи
И истерически рыдалъ...

Князь Иванъ

На милліонъ согрѣша,
На милліарды тоскуетъ!
То-то святая душа!
Что же сей сонъ знаменуетъ?

Бѣдный Зацѣпа — поэтъ,
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нѣтъ.
Какъ ни зацапай наличность,

Мы оправданье найдемъ!
Нынче твердитъ и бородка:
«Американскій пріемъ»,
«Великорусская смѣтка!»

Грошъ у новѣйшихъ господъ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскуетъ лишь тотъ,
Кто не укралъ милліона.

Бредитъ Америкой Русь,
Къ ней тяготѣя сердечно...
Шуйско-Ивановскій гусь —
Американецъ?.. Конечно!

Что ни попало — тащатъ,
«Нашъ идеалъ» — говорятъ —
«За-атлантическій братъ:
«Богъ его — тоже, вѣдь, долларъ!..»

Правда! но разница въ томъ:
Богъ его — долларъ, добытый трудомъ,
А не украденный долларъ!

Зацѣпинъ

Къ религіи наклонность я питалъ,
Мечталъ носить желѣзныя вериги,
А кончилъ тѣмъ, что утверждалъ
Завѣдомо подчищенныя книги...
(*Рыдаетъ*).

Князь Иванъ

Ты книги подчистилъ? и только!
Уйми щекотливую честь!

Ахъ! еслибъ всѣ выпили столько,
Не то услыхали бъ мы здѣсь!

Тернисты пути совершенства
И Русь помѣшалась на томъ:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратнымъ путемъ?

Позорныя пятна на чести,
Торжественный, крупный скандалъ
И тысячъ четыреста... двѣсти
Въ итогѣ — вотъ нашъ идеалъ!

Тебя угнетаетъ сознанье,
Что шатко общественный крестъ
Ты несъ, получая даянье
Съ пятнадцати прибыльныхъ мѣстъ?

Утѣшься! Подъ жертвою крупной
Таится подходъ къ грабежу,
Подъ маской добра неприступной
Холодный разсчетъ докажу!

Завидуешь доблестямъ мужа,
Что̀ нѣсколько разъ устоялъ,
И, плутни другихъ обнаружа,
Копеечки самъ не укралъ?

Гонитель воровъ безпощадный,
Блистающій честностью мужъ
Ждетъ случая хапнуть громадный,
Приличный амбиціи кушъ!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сброситъ съ лица...
Утѣшься! *Блаженство паденья* —
Конечная цѣль мудреца!..

Рѣдѣла дружная семья,
Поочередно подходили
Къ Зацѣпѣ вѣрные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрѣшенъ только Богъ,
Не плачь! Не хуже ты другого!»
Отвѣтъ: рыданье, тяжкій вздохъ
Или язвительное слово!

Тронутъ ближняго несчастьемъ,
Міліонщикъ-мукомолъ
Къ удрученному съ участьемъ
И съ совѣтомъ подошелъ:
«Чтобы совѣсть успокоить,
Поговѣй-ка ты постомъ,
Да совѣтую устроить
Богадельный домъ.
Передъ ризницей святою
Въ ночь лампадки зажигай,
Да получше, безъ отстою,
Масло наливай!»

Подошелъ и Ѳедоръ Шкуринъ.
— Прочь! не подходи!
Вмѣсто сердца, грошъ фальшивый
У тебя въ груди!

Ты ребенкомъ дралъ щетину
Изъ живыхъ свиней,
А теперь ты жилы тянешь
Изъ живыхъ людей!»

Шкуринъ голову повѣсилъ,
«Тыкъ-съ!» пробормоталъ...
Князь Иванъ одинъ былъ веселъ,
«Браво!» онъ сказалъ.

Друженъ былъ старикъ съ Зацѣпой,
Онъ къ нему подсѣлъ —
Укротить порывъ свирѣпой
Въ свой чередъ хотѣлъ...

Князь Иванъ

Ты Шиллера, должно быть, начитался
Иль черезчуръ венгерскаго хлѣбнулъ!
Кто не мечталъ... и кто не оказался
Отступникомъ? Кто круто не свернулъ
Съ прямыхъ путей — по волѣ... по неволѣ?..
Припомнимъ-ка товарищей по школѣ:

Окончивъ курсъ, на лекціи студентамъ
Ученый Швабсъ съ энергіей внушалъ
Любовь къ труду, презрѣніе къ процентамъ,
Громя тарифъ, налоги, капиталъ.
Сочувственно ему внимали классы...
А нынѣ онъ — директоръ ссудной кассы...

«Судья лишь тотъ, кто Богу самъ не грѣшенъ,
А мой принципъ — прощенье и любовь!»
Говаривалъ Володя Перелѣшинъ:
«Кто низко палъ — воспрянуть можетъ вновь,
«Не бичевать, жалѣть должны мы вора...»
А нынѣ онъ — товарищъ прокурора...

Графъ Твердышовъ... ужь онъ ли надъ Россіей,
Надъ мужичкомъ голоднымъ не грустилъ?
А кончилъ тѣмъ, что съ земской гарантіей
По пустырямъ дорогу проложилъ
И съ помощью ненужной той дороги
Отяготилъ крестьянскіе налоги...

Зацѣпинъ *(внезапно вскакиваетъ)*

Хлѣбушка нѣтъ,
Валится домъ,
Сколько ужь лѣтъ
Камѣ поемъ
Горе свое!

Князь Иванъ

Эхъ, ты! не кстати перервалъ!
Шумитъ, какъ угли въ самоварѣ!

А я бы вѣрно перебралъ
Весь Петербургъ: я былъ въ ударѣ!

Зацѣпинъ

Горе! Горе! хищникъ смѣлый
Ворвался въ толпу!
Гдѣ же Руси неумѣлой
Выдержать борьбу?
Охъ! горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкаго алтына,
У дворянскаго рубля
Плутократъ, какъ караульный,
Станетъ на часахъ,
И пойдетъ грабежъ огульной
И — случится крррахъ!

Онъ осушилъ стаканъ воды,
Порывы грусти тише стали;
Не уходившіе жиды
Его почти не понимали;

Они подумали, что онъ
Свершилъ въ Россіи преступленье,

Укравъ казенный милліонъ,
И — предложили наставленье.

Еврейская мелодія

Денежки есть — нѣтъ бѣды,
Денежки есть — нѣтъ опасности
(Такъ говорили жиды,
Слогъ я исправилъ для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолѣйте истерику.
Вы намъ продайте паи,
Деньги пошлите въ Америку.
Вы разсчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слухъ о болѣзни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Одѣньтесь тепло.
Вы до Кронштадта на катерѣ,
Вы на корабль... подъ крыло
Къ насей финансовой матери *).
Денежки — добрый товаръ —
Вы поселяйтесь на жительство

*) Англія.

Гдѣ не достанетъ правительство,
И поживайте, какъ — *царь!*..

Зацѣпинъ

Прочь! гнушаюсь вашихъ узъ!..
Проклинаю процвѣтающій,
Все-берущій, все-хватающій,
Все-воруюшій союзъ!..

Ушли, полны негодованья,
Жиды-банкиры... Леонидъ
Съ послѣднимъ словомъ увѣщанья
Передъ Зацѣпинымъ стоитъ.

Леонидъ

Явленье — строго говоря —
Не ново съ русскими великими умами:
Съ Ивана Грознаго царя
До переписки Гоголя съ друзьями,
Самобичующій протестъ —
Россійскихъ гражданъ достоянье!
Его, какъ ржа желѣзо, ѣстъ
Душевной немощи сознанье;

Забыта истина одна,
Что рыцарская честь въ Россіи невозможна...
Мы искалѣчены безбожно
И развѣ наша въ томъ вина?

(*Пауза. Ораторъ всматривается въ лицо Зацѣпы, наблюдая впечатлѣніе своей рѣчи. Зацѣпинъ закрываетъ глаза*).

Русской души не понять иновѣрцу...
Пусть онъ бичуетъ себя, господа!
Дайте излиться прекрасному сердцу!
Нѣтъ въ покаяньи стыда.
Что̀ за нелѣпость — крестьянинъ не сѣченый?
Нѣчѣмъ тутъ хвастать, а лучше молчать:
Темныя пятна души изувѣченной
Русскому глупо скрывать,
Неисчислимы орудья клеймящія!
Если кого не коснулись они,
Это — не Руси сыны настоящіе,
Это — уроды! Куда ни взгляни
Все подъ гребенку подстрижено,
Сбито съ прямого пути,
Неотразимо обижено...
Гдѣ же спасенье найти?
Гдѣ? «Въ милліонахъ!» такъ жизнь подсказала,

Геній достигнуть помогъ...
Горе одно: онъ убить идеала
Въ сердцѣ прекрасномъ не могъ...
О, роковая судебъ неизбѣжность!
Въ практикѣ — строгій дѣлецъ,
Голубь въ душѣ — благородство и нѣжность!..
Вотъ его драма... Уснулъ, наконецъ...

(*Пауза. Ораторъ снова всматривается въ лицо Зацѣпы, сидящаго съ закрытыми глазами, и продолжаетъ болѣе развязнымъ тономъ*).

Ужь лучше бить, чѣмъ битымъ быть,
Ужь лучше ѣсть арбузы, чѣмъ солому...
Сознался ты эту аксіому?
Такъ, стало, не о чемъ тужить!
Знай свой шестокъ и дань плати культурѣ!
На Западѣ — Мишле, Эдгаръ Кинѐ,
Овсянниковъ — въ родной твоей странѣ
Явленья — вѣрныя натурѣ!
И то ужь хорошо, что выигралъ ты бой...
Толпа идетъ избитою тропой;
Рабы довольны, если сыты,
Но намъ даны иные аппетиты...
О, Господи! Удвой желудокъ мой!

Утрой гортань! учетвери мой разумъ!
Дай ножницы такія изобрѣсть,
Чтобъ цѣлый міръ остричь въ плотную разомъ —
Вотъ русская незыблемая честь!..

(*Зацѣпинъ кидается къ Леониду съ кулаками, его удерживаютъ*).

Князь Иванъ

Дай венгерскаго старѣйшаго!
Дружно тостъ провозгласимъ:
«За философа новѣйшаго!»
Вы — мальчишки передъ нимъ!
Ничего не будетъ новаго,
Если завтра у него
На спинѣ туза бубноваго
Мы увидимъ... ничего!
Но гораздо вѣроятнѣе,
Что его карьера ждетъ
Деликатнѣе, опрятнѣе...
Милліоны наживетъ!

Савва (*хлопоча, между тѣмъ, около Зацѣпы, говоритъ вполголоса*)

Опомнись, Гриша! что̀ съ тобой?
Себя клейминь, друзей порочишь,

Не хорошо! Уйди домой
И тамъ бѣснуйся сколько хочешь.
Или ты выгоднымъ нашелъ
Пустить молву между врагами,
Что состоянье пріобрѣлъ
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сынъ...
Услышитъ...

Зацѣпинъ

У меня нѣтъ сына...
(*Бросаетъ Саввѣ телеграмму*).

Савва (*читаетъ*)

«Сегодня умеръ Константинъ».
Такъ вотъ разгадка! вотъ причина!
Недаромъ онъ съ утра ходилъ
Угрюмъ и золъ, въ хандрѣ глубокой,
Недаромъ такъ безумно пилъ...
Ударъ, дѣйствительно, жестокій!..

Гриша — обращикъ широкихъ натуръ —
Съ молоду въ крайности дерзко бросался,

То милліоновъ желалъ самодуръ.
То въ монастырь запереться сбирался.
И богомолецъ, и ротмистръ лихой,
И хлѣбосолъ — предводитель дворянства,
Сталъ онъ со временемъ тузъ откупной —
Эксплуататоръ народнаго пьянства.
Откупъ рѣшили; герой не хотѣлъ
Праздно сидѣть на своемъ капиталѣ
И провалился — по новости дѣлъ...
Многіе такъ провалились въ началѣ.
Бывшій гусаръ, зарядивъ пистолетъ,
Дерзко на биржѣ съигралъ на остатки —
Вывезло счастье!.. Увѣровалъ свѣтъ
Въ геній Зацѣпы... Постигнувъ порядки
Новой эпохи, и онъ не дремалъ:
Счастливо, нѣтъ ли, на биржѣ играя,
Давнія связи Зацѣпа скрѣплялъ,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободныя» взять у друзей
И возвратить съ дивидендомъ высокимъ —
Чудное средство для скрѣпы связей!
Гриша прослылъ финансистомъ глубокимъ.
Стали къ нему, какъ ручьи въ океанъ,
Тайныя нити успѣха стекаться,

Мысль озарила — неси къ нему планъ,
А безъ Зацѣпы не смѣй и соваться...

Слухъ по столицѣ пронесся одинъ —
Сдѣлано слишкомъ ужь дерзкое дѣло!
Входитъ къ Зацѣпѣ единственный сынъ:
«Правда ли?» «Правда ли?» юноша смѣло
Сыплетъ вопросы — и нѣтъ имъ конца;
Вспыхнула ссора. Зацѣпа взбѣсился.
Чтобъ не встрѣчать и случайно отца,
Сынъ непокорный въ Москву удалился.
Тамъ онъ оканчивалъ курсъ, голодалъ,
Письма и деньги отцу возвращая.
Въ тайнѣ Зацѣпа о немъ тосковалъ...
Вдругъ телеграмма пришла роковая:
«Раненъ твой сынъ». Черезъ сутки письмомъ
Другъ объяснилъ и причину дуэли:
«*Воромъ отца обозвали при немъ*»...
Черныя мысли отцомъ овладѣли,
Утромъ онъ къ сыну поѣхать хотѣлъ,
Но и другая пришла телеграмма...
Какъ ни крѣпился старикъ — не стерпѣлъ
И разъигралась во-очію драма...

Князь острилъ, бурлилъ Зацѣпа,
Леонидъ не уходилъ,
Онъ посматривалъ свирѣпо,
Да съ азартомъ соду пилъ.
Савва — честь ему и слава! —
«Сядемъ въ горку!» вдругъ сказалъ.
Столъ раскрытъ — пошла забава,
Что̀ ни ставка — капиталъ!
Разсчиталъ недурно Савва:
И Зацѣпинъ къ нимъ подсталъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

ИЗЪ ПОЭМЫ: МАТЬ

ИЗЪ ПОЭМЫ: МАТЬ

ОТРЫВКИ

(Посвящается Еленѣ Осиповнѣ Лихачевой)

I

Въ насмѣшливомъ и дерзкомъ нашемъ вѣкѣ
Великое, святое слово: мать
Не пробуждаетъ чувства въ человѣкѣ.
Но я привыкъ обычай презирать.
Я не боюсь насмѣшливости модной.
Такую музу мнѣ дала судьба:
Она поетъ по прихоти свободной,
Или молчитъ, какъ гордая раба.
Я много лѣтъ среди трудовъ и лѣни
Съ постыднымъ малодушьемъ убѣгалъ
Плѣнительной, многострадальной тѣни,
Для памяти священной... Часъ насталъ!..

Міръ любитъ блескъ, гремушки и литавры,
Удѣлъ толпы — не узнавать друзей,
Она несетъ хвалы, вѣнцы и лавры
Лишь тѣмъ, чей бичъ хлесталъ ее больнѣй;
Вѣнецъ, толпой немыслящею свитой,
Ожжетъ чело страдалицы забытой —
Я не ищу ей поздняго вѣнца.
Но я хочу, чтобъ свѣтъ души высокой
Сіялъ для васъ, средь полночи глубокой,
Подобно ей несчастныя сердца!..

Быть можетъ, я преступно поступаю,
Тревожа сонъ твой, мать моя? прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю.
Къ свободѣ ей заказаны пути;
Позорный плѣнъ, весь ужасъ женской доли,
Ей для борьбы оставилъ мало силъ,
Но ты ей дашь урокъ желѣзной воли...
Благослови, родная: часъ пробилъ!
Въ груди кипятъ рыдающіе звуки,
Пора, пора имъ ввѣрить мысль мою!
Твою любовь, твои святыя муки,
Твою борьбу — подвижница, пою!..

II

Я отрокомъ покинулъ отчій домъ.
(За славой я въ столицу торопился).
Въ шестнадцать лѣтъ я жилъ своимъ трудомъ
И между тѣмъ урывками учился.
Лѣтъ двадцати, съ усталой головой,
Ни живъ ни мертвъ, (я голодалъ по долгу),
Но горделивъ — пріѣхалъ я домой.
Я посѣтилъ деревню, нивы, Волгу —

Всѣ тѣ же вы — и нивы, и народъ...
И та же все — рѣка моя родная...
Замѣтилъ я — новинку: пароходъ!
Но лишь на мигъ мелькнула жизнь живая.
Кипѣла ты — зубчатымъ колесомъ
Прорытая — дорога водяная,
А берега дремали кроткимъ сномъ.
Дремало все: расшивы, коноводки,
Дремалъ бурлакъ на днѣ завозной лодки,
Проснется онъ — и Волга оживетъ!
Я дождался тягучихъ мѣрныхъ звуковъ...
Приду ль сюда еще послушать внуковъ,

Гдѣ слышу васъ, отцы и сыновья!
Ужь не на толь дана мнѣ жизнь моя?

Охваченъ вдругъ дремотою и лѣнью,
Въ полдневный зной вошелъ я въ старый садъ;
Въ немъ семь ключей сверкаютъ и гремятъ.
Внимая ихъ порывистому пѣнью,
Вершины липъ таинственно шумятъ.
Я ихъ люблю: подъ ихъ зеленой сѣнью,
Тиха, какъ ночь, и легкая, какъ тѣнь,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

У той плиты, гдѣ ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой,
И опоздалъ! И жизни трудовой
Я преданъ былъ, и страсти, и невзгодамъ,
Захлеснутъ былъ я невскою волной...
Я радъ, что ты не подъ семейнымъ сводомъ
Погребена — тамъ душно, солнца нѣтъ;
Не будетъ тамъ лежать и твой поэтъ...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .

И наконецъ вошелъ я въ старый домъ,
Въ немъ новый полъ, въ немъ новые порядки;
Но мало я заботился о томъ.
Я разобралъ хранимые отцомъ,
Твоихъ работъ, твоихъ бумагъ остатки
И надъ однимъ задумался письмомъ.
Оно съ гербомъ, оно съ бордюромъ узкимъ,
Исписанъ листъ, то польскимъ, то французскимъ
Порывистымъ и страстнымъ языкомъ.

Припоминалъ я что-то долго, смутно
Ужь не его ль, вздыхая поминутно,
Читала ты въ младенчествѣ моемъ
Одна, въ саду?

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Глухая ночь! Иду поспѣшно въ садъ...
Ищу ее, обнять желаю страстно...
Гдѣ ты? прими сыновній мой привѣтъ!

Но вторитъ мнѣ лишь эхо безучастно...
Я зарыдалъ; увы! ея ужь нѣтъ!

Луна взошла и садъ осеребрила,
Подъ сводомъ липъ недвижно я стоялъ,
Которыхъ сѣнь родная такъ любила.
Я ждалъ ее — и не напрасно ждалъ...
Она идетъ; то медленны, то скоры
Ея шаги, письмо въ ея рукѣ...
Она идетъ... Внимательные взоры
По немъ скользятъ въ тревогѣ и тоскѣ.
«Ты вновь со мной!» невольно восклицаю,
«Ты вновь со мной...» кружится голова...
Чу, тихій плачъ, чу, шопотъ! Я внимаю —
Слова письма — знакомыя слова!

III

ПИСЬМО

Варшава, 1824 годъ.

Какую ночь я нынѣче провела!
О, дочь моя! что сдѣлала ты съ нами?
Кому, кому судьбу ты отдала?
Какой странѣ родную предпочла?
Приснилось мнѣ: затравленная псами,
Занесена ты русскими снѣгами.

Была зима, была глухая ночь,
Пылалъ костеръ, зажженный дикарями,
И у костра съ закрытыми глазами
Лежала ты, моя родная дочь!

Дремучій лѣсъ, чернѣя полукругомъ,
Ревѣлъ какъ звѣрь... ночь долгая была,
Стонала ты, какъ стонетъ рабъ за плугомъ
И, наконецъ, замерзла — умерла!..

О, сколько сновъ... о, сколько мыслей черныхъ!
Я знаю, Богъ караетъ непокорныхъ,
Я вѣрю снамъ, и плачу какъ дитя...
Позоръ! позоръ! мы басня всей Варшавы.
Ты, чьей руки М. М. искалъ, какъ славы,
Въ кого N. N. влюбился не шутя,
Ты увлеклась армейскимъ офицеромъ,
Ты увлеклась красивымъ дикаремъ!
Не спорю, онъ приличенъ по манерамъ,
Природный умъ я замѣчала въ немъ.
Но нравъ его, привычки, воспитанье...
Умѣетъ ли онъ имя подписать?
Прости! Кипитъ въ груди негодованье —

Я не могу, я не должна молчать!

. . . . . .

Твоей красѣ (сурова тамъ природа)
Ужь никогда вполнѣ не расцвѣсти;
Твоей косы не станетъ на полгода,
Тамъ своей девизъ: «любить и бить»... прости.

. . . . . .

Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
Съ несчастныхъ бабъ; сосѣди — дикари,
А жоны ихъ безграмотныя дуры...
Сегодня пиръ... псари, псари, псари!
Пой, дочь моя! средь самаго разгара
Твоихъ руладъ, не выдержавъ удара,
Валится рабъ... Засмѣйся! всѣмъ смѣшно...

. . . . . .

. . . . . .

Въ послѣдній разъ, какъ мать, тебя цѣлую —
Я поощрять бѣглянку не должна:
Рѣшай сама, бери судьбу любую:
Вернись въ семью, будь родинѣ вѣрна —
Или, отцомъ навѣки проклятая
И навсегда потерянная мной,
Останься тамъ отступницею края

И москаля презрѣнною рабой.

. . . . . .

Очнулся я. Ключи немолчные гремѣли
И птички раннія на старыхъ липахъ пѣли.
Въ рукѣ моей письмо... но нѣтъ моей родной!
Смятенный, я поникъ уныло головой.
Природа чуткимъ сномъ была еще объята;
Луна глядѣла въ прудъ; на стеблѣ роковомъ
Стояли лопухи недвижно надъ прудомъ.
Такъ узники стоятъ у оконъ каземата.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Я книги перебралъ, которыя съ собой
Родная привезла когда-то издалека,
Замѣтки на поляхъ случайныя читалъ:
Въ нихъ жилъ пытливый умъ, вникающій глубоко.
И снова плакалъ я, и думалъ надъ письмомъ,
И вновь его прочелъ внимательно сначала,
И кроткая душа, терзаемая въ немъ,
Впервые предо мной въ красѣ своей предстала...

И неразлучною осталась ты съ тѣхъ поръ,
О, мать-страдалица! съ своимъ печальнымъ сыномъ,
Тебя, твоихъ слѣдовъ искалъ повсюду взоръ,
Досугъ мой преданъ былъ прошедшаго картинамъ.

Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшаго огня
Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
Мнѣ въ сумерки мерещилась порою,
И голосъ твой мнѣ слышался впотьмахъ,
Исполненный мелодіи и ласки,
Которымъ ты мнѣ сказывала сказки
О рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ.

Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живаго міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.
И сталъ я понимать, гдѣ мысль твоя блуждала,
Гдѣ ты душой, страдалица, жила,
Когда кругомъ насилье ликовало,
И стая псовъ на псарнѣ завывала,
И вьюга въ окна била и мела...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Незримой лѣстницей съ недавнихъ юныхъ дней
Я къ дѣтству нисходилъ, ту жизнь приноминая,
Когда еще была ты нянею моей
И ангеломъ-хранителемъ, родная.

Въ иномъ краю, не менѣе несчастномъ,
Но менѣе суровомъ рождена,
На сѣверѣ угрюмомъ и ненастномъ
Въ осьмнадцать лѣтъ ужь ты была одна.
Тотъ разлюбилъ, кому судьбу вручила,
Съ кѣмъ въ чуждый край довѣрчиво пошла,
Ужь онъ не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Ты на письмо молчаньемъ отвѣчала,
Своимъ путемъ безстрашно ты пошла.

. . . . . .

. . . . . .

Гремѣлъ рояль и голосъ твой печальный
Звучалъ, какъ вопль души многострадальной,
Но ты была тверда и весела:
«Несчастна я, терзаемая другомъ,
Но предъ тобой, о, женщина раба!
Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ,
Моя судьба — завидная судьба!»

. . . . . .

Хаосъ! мечусь въ безпамятствѣ, въ бреду!
Хаосъ! едва мерцаетъ умъ поэта,
Но юности священнаго обѣта
Не совершивъ, въ могилу не сойду!
Поймутъ иль нѣтъ, но будетъ пѣсня спѣта.

Я опоздалъ! я медленно и ровно
Завѣтный трудъ не въ силахъ совершить,

Но я дерзну въ картинѣ малословной
Твою судьбу, родная, совмѣстить.

И я смогу!.. Поможетъ мнѣ искуство,
Поможетъ смерть — я скоро нуженъ ей...
Мала слеза — но въ ней избытокъ чувства...
Что океанъ безбрежный передъ ней!...

. . . . . .

...Двадцать лѣтъ подвижничества цѣпи
Влачила ты, пока твой часъ пробилъ.
И не вотще среди безводной степи
Струился ключъ — онъ жаждущихъ поилъ.
И не вотще любовь твоя сіяла:
Какъ въ небесахъ ни много черныхъ тучъ,
Но если ночь сдаваться утру стала,
Все жь, наконецъ, проглянетъ солнца лучъ!

И вспыхнулъ день! Онъ твой: ты побѣдила!
У ногъ твоихъ — дѣтей твоихъ отецъ,
Семья давно вины твои простила,
Лобзаетъ рабъ терновый твой вѣнецъ...
Но... двадцать лѣтъ!.. Какъ сладко, умирая,
Вздохнула ты... какъ тихо умерла!

О, сколько силъ явила ты, родная!
Какимъ путемъ къ побѣдѣ ты пришла!..

Душа твоя — она горитъ алмазомъ,
Раздробленнымъ на тысячи крупицъ
Въ величьи дѣлъ, неуловимыхъ глазомъ.
Я понялъ ихъ — я палъ предъ ними ницъ,
Я ихъ пою (даруй мнѣ силы, небо!..)
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлѣба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишній разъ не сжало чувство страха
Его души — ты то дала рабамъ. —
Но лишній разъ изъ трепета и праха
Онъ поднялъ взоръ бодрѣе къ небесамъ...
Быть можетъ, даръ бѣднѣе капли въ морѣ,
Но двадцать лѣтъ! Но тысячамъ сердецъ,
Чей идеалъ — убавленное горе,
Границы зла открыты наконецъ!

Твой властелинъ — наслѣдственные нравы
То покидалъ, то бурно проявлялъ,

Но если онъ въ безумныя забавы
Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ,
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ, —
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ...

И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды,
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты —
О, мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

И счастливъ я! ужь ты ушла изъ міра,
Но будешь жить ты въ памяти людской,
Пока въ ней жить моя способна лира.
Пройдутъ года — поклонникъ вѣрный мой

Ей посвятитъ досугъ уединенный,
Прочтетъ разсказъ и о твоей судьбѣ;
И, посѣтивъ поэта прахъ забвенный,
Вздохнувъ о немъ, вздохнетъ и о тебѣ.

9-го февраля 1877.

БАЮШКИ — БАЮ

1877 г. марта 3-го

Непобѣдимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечетъ, какъ жертву на закланье,
Недуга чорная рука.
Гдѣ ты, о муза! Пой, какъ прежде!
«Нѣтъ больше пѣсень, мракъ въ очахъ;
Сказать: умремъ! конецъ надеждѣ!
Я прибрела на костыляхъ!»

Костыль ли, заступъ ли могильный
Стучитъ... смолкаетъ... и затихъ...
И нѣтъ ея, моей всесильной,
И измѣнилъ поэту стихъ.
Но передъ ночью непробудной
Я не одинъ... Чу! голосъ чудный!
То голосъ матери родной:

«Пора съ полуденнаго зноя!
Пора, пора подъ сѣнь покоя;
Усни, усни, касатикъ мой!
Прійми трудовъ вѣнецъ желанный,
Ужь ты не рабъ — ты царь вѣнчанный;
Ни что не властно надъ тобой!

«Не страшенъ гробъ, я съ нимъ знакома;
Не бойся молніи и грома,
Не бойся цѣпи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человѣческаго стона,
Ни человѣческой слезы.

«Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

«Еще вчера людская злоба
Тебѣ обиду нанесла;

Всему конецъ, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатилъ ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

«Не бойся горькаго забвенья:
Ужь я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...
Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

	Стран.
Вступленіе къ пѣснямъ 1876—77 годовъ	7
Сѣятелямъ	9
Молебенъ	10
З — нѣ	12
Пророкъ (изъ Барбье)	13
«Скоро стану добычею тлѣнья»	14
«Дни идутъ»	15
Друзьямъ	16
З — нѣ	17
Музѣ	18
Унынiе	19
Три элегiи	25
Страшный годъ	30
Поэту	32

Стран.

Утро 34

Поэту. 37

Горящія письма 38

Приговоръ 39

З — нѣ 40

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

СОВРЕМЕННИКИ

Часть первая: Юбиляры и тріумфаторы 45

Часть вторая: Герои времени (траги-комедія) 71

ОТДѢЛЪ ТРЕТІИ

ИЗЪ ПОЭМЫ: МАТЬ. Отрывки. 151

Баюшки-баю 167

YC 73352

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C043188824